216 — 2558

В. М. Гессенъ.

Д16 2558

ПРОБЛЕМА НАРОДНАГО СУВЕРЕНИТЕТА

ВЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНѢ XVI ВѢКА.

Отдѣльный оттискъ
изъ «Извѣстій С.-Петербургскаго Политехническаго Института Императора Петра Великаго». (1913 г. Томъ XX.).

837/5

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1913.

ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ
ШРЕДЕРА
Д-9 С.-ПЕТЕРБУРГЪ Д-9
Гороховая

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
1141282 М

Проблема народнаго суверенитета въ политической доктринѣ XVI вѣка.

В. М. Гессена.

I.

Источники.

Bodin, Jean, Les six livres de la Republique, Par. 1577 г.; первое изданіе на латинскомъ языкѣ, значительно переработанное и дополненное авторомъ: De republica libri VI, Par. 1586 г. — Издавая свой трудъ первоначально на французскомъ языкѣ, Боденъ имѣлъ въ виду сдѣлать его болѣе доступнымъ для всѣхъ гражданъ,—и, въ особенности, для дворянства. Убѣдившись, во время своего путешествія въ Англію, что книга его комментируется съ кафедры въ Кэмбриджскомъ университетѣ, Боденъ издаетъ ее на латинскомъ языкѣ для того, чтобы облегчить пользованіе ею иностраннымъ ученымъ. Латинскій текстъ значительно измѣненъ по сравненію съ французскимъ. Такъ, переработаны и дополнены главы о правѣ величества (Lib. I cap. VIII), о должностныхъ лицахъ и ихъ власти (Lib. III cap. III—VI), о правѣ международныхъ сношеній (Lib. V cap. VI); впервые въ латинскомъ изданіи появляется глава о сословіяхъ гражданъ (Lib.III cap.VIII).—Мы пользовались пятымъ (франкфуртскимъ) изданіемъ на латинскомъ языкѣ: Joan. Bodini Andegavensis Galli, De Republica libri sex. Editio quinta prioribus multo emendatior. Francof. 1609.

Guilielmi Barclaii. De regno et regali potestate adversus Buchananum, Brutum, Boucherium et reliquos Monarchomachos libri sex, Par., 1600.

Alberici Gentilis., Regales disputationes tres, Lond. 1605.

Joannis Beccaria, Refutatio cuiusdam libelli sine auctore cui titulus est, De jure Magistratuum in subditos et officio subditorum erga Magistratus. Безъ указанія мѣста изданія, 1590.

Francisci Hotomani Franco-Gallia seu Tractatus isagogicus de regimine rogum Galliae et de jure successionis. Первое (женевское) изданіе въ 1573 г. Второе, латинское изданіе и французскій переводъ Simon Goulart'a—въ слѣдующемъ 1574 г. Третье дополненное латинское изданіе въ 1576 г. Въ 1577 г. французскій переводъ печатается вновь въ составѣ извѣстной коллекціи: „Memoires de l'estat de France sous Charles IX".

Мы пользуемся какъ французскимъ текстомъ (Memoires de l'estat de France, 2 éd., 1628, t. II fol. 375 et suiv), такъ и слѣдующимъ изданіемъ на латинскомъ языкѣ: Francisci Hotomani Franco-Gallia, juxta editionem Francofurt. adauctam accessit Anthonii Matarelli responsio. Francof, 1665.

Stephani Junii Bruti Vindiciae contra tyrannos (1577). Французскій переводъ подъ заглавіемъ: „De la puissance légitime du prince sur le peuple et du peuple sur le prince" въ 1581 г.—Bayle насчитываетъ 9 изданій разсматриваемой книги. Мы пользовались слѣдующимъ изданіемъ: Vindiciae contra tyrannos sive de Principis in Populum Populique in principem legitima potestate. Stephano Junio Bruto Celta, auctore. Безъ указанія мѣста изданія, 1599 г. Весьма споренъ вопросъ объ авторѣ этой во многихъ отношеніяхъ замѣчательной книги. По мнѣнію современника d'Aubigné, ея авторомъ является извѣстный гугенотъ, Hubert Languet. Мнѣніе это, поддержанное Bayle'емъ, въ теченіе долгаго времени пользовалось въ наукѣ почти всеобщимъ признаніемъ; и въ новѣйшей литературѣ оно раздѣляется Landmann'омъ Atger'омъ и нѣк. др. [1]). Въ 1888 г. Waddington въ своемъ

[1]) Baudrillart, Jean Bodin et son temps, p. 65 note 1; Janet, Histoire de la science politique, 3 éd., t II, p. 31; Ch. Labitte, De la démocratie, p. 61. Treumann, Die Monarchomachen, стр. 12 прим.; Merriam, History of the Theorie of sovereignty since Rousseau, стр. 17, прим. 2; Atger, Essai sur l'histoire des doctrines du Contrat social, стр. 111 и сл.; Landmann, Der Souveränetätsbegriff, стр. 11 и др.

изслѣдованіи: De Hubertii Laugueti vita, и позднѣе въ монографіи, помѣщенной въ Revue historique (Janv. 1893 г.), ссылаясь на мемуары г-жи Du Plessi-Mornay, а также на свидѣтельство нѣкоего Jean Daillé, библіотекаря du Plessis-Mornay и воспитателя его внуковъ, убѣдительнымъ образомъ доказываетъ, что, въ дѣйствительности, авторомъ „Vindiciae“ является одинъ изъ наиболѣе выдающихся гугенотовъ Франціи, Du Plessis-Mornay. Мнѣніе Waddington'a усваивается большинствомъ новѣйшихъ изслѣдователей, Weill'емъ, Méaly, М. М. Ковалевскимъ и др. [1]).

Анонимный трактатъ: Du droit des magistrats sur leurs sujets. (1574). На латинскомъ языкѣ: De jure magistratuum in subditos et officio subditorum erga magistratus. Трактатъ этотъ нѣсколько разъ—въ 1575, 1578, 1579 г. г.—переизданъ. Мы пользуемся, какъ французскимъ текстомъ (Memoires de l'estat de France sous Charles IX, 2 éd., 1628, t. II, fol. 483 et. suiv.), такъ и латинскимъ. Послѣдній, въ изданіи, которымъ мы пользуемся, отпечатанъ—неизвѣстно гдѣ, въ 1599 г.—въ приложеніи къ трактату Ю. Брута Vindiciae contra tyrannos и имѣетъ общую съ нимъ пагинацію. Въ 1900 г. женевскій историкъ A. Cartier (Les idées politiques de Théodore de Bèze, p. 6 et suiv.) неопровержимо доказалъ, что авторомъ разсматриваемаго анонимнаго трактата является извѣстный гугенотъ, Théodore de Bèze.

Georgii Buchanani Dialogus de jure Regni apud Scotos (1579). Мы пользовались слѣдующимъ изданіемъ: Rerum Scoticarum Historia, auctore Georgio Buchanano Scoto. Ad antiquissimam Arbuthneti editionem exprimitur textus. Sed notas... summa cura addidit Jacobus Man, Abredonensis. Accesserunt Index locupletissimus, Auctoris vita ab ipso scripta et Dialogus de Jure Regni apud Scotos. Abredoniae, 1762.

Lambertus Danaeus, Politices Christianae libri septem. Apud haeredes Eustathii Vignon, 1596.

---

[1]) G. Weill, Les téories sur le pouvoir royal en France, p. 109; Méaly, Les publicistes de la Réforme, p. 221 et suiv.; М. М. Ковалевскій. Отъ прямого народоправства къ представительному, т. II, стр. 32 и сл.

Io. Marianae, Hispani, è. Soc. Jesu, De Rege et regis institutione Libri III, Toleti. 1599. Мы пользовались вторымъ изданіемъ: Idem, Moguntiae, 1605 г. Срв. Differences des deux editions du livre de Jean Mariana de Rege et Regis institutione въ коллекціи: Mémoires de Condé, t. VI, nouvelle edition, Paris, 1745, p. 347 et suiv.

(J. Boucher) De iusta Henrici tertii abdicatione e francorum regno libri quatuor. Parisiis, 1589. Второе изданіе--Lyon 1590. Мы пользовались первымъ (парижскимъ) изданіемъ. Вопреки утвержденію автора „L'Anti—Cotton" (Supplement aux Memoires de Condé. Quatrième partie, nouv. éd., 1744, p. 56 note 8), не только второе, но и первое изданіе книги Boucher—анонимно. Не подлежитъ, однако, никакому сомнѣнію, что ея авторомъ является Boucher.

Guilelmus Rossaeus, De justa reipublicae Christianae in reges impios et haereticos authoritate iustissimaque Catholicorum ad Henricum Navarraeum et quemcunque haereticum a regno Galliae repellendum confoederatione. Antverpiae, 1592 г. Книга эта уже многими современниками—безъ какихъ бы то ни было доказательствъ, кромѣ созвучности фамилій,—приписывается Вильгельму Розѣ (Rose), епископу Сенлиса; и въ настоящее время это мнѣніе раздѣляется многими историками (см., напр., O. Gierke, Johannes Althusius, 2 Ausg. S. 3 № 3; Atger, l. c., p. 104; Landmann, l. c. S. 10 № 1 и др.); нѣкоторые, впрочемъ, отмѣчаютъ недоказанность этого мнѣнія (Weill, l. c., p. 237; Feret. Le pouvoir civil devant l'enseignement catholique, p. 226). Анонимный авторъ памфлета: „L'Anti—Cotton" (Suppl. aux Mémoires de Condé, 4-ème partie, nouv. éd., 1744, p. 56 п. 8) категорически утверждаетъ („l'on sait de science certaine"), что авторомъ: „De justa... authoritate" является англичанинъ Guillaume Reynold или Gifford.

Johan Althusii, Politica methodice digesta atque exemplis sacris et profanis illustrata. Мы пользовались первымъ изд. Herbonae 1603, и третьимъ—Herb. 1614.

Dialogue de l'authorité des Princes et de la liberté des peuples. (Memoires de l'estat de France sous Charles IX, 2 éd. 1518, v. III fol. 66. et suiv.).

Discours politiques des diverses puissances establies de Dieu au monde, du gouvernement legitime d'icelles et du devoir de ceux qui y sont assujettis (Memoires de l'estat de France sous Charles IX, 2 éd., 1578, v. III fol. 203 ver. et suiv).

L'anti-Cotton précédé d'une dissertation historique et critique sur ce fameux ouvrage. (Supplement aux Memoires de Condé, Quatrieme partis, nouv. éd., 1744, p. 5 et suiv.).

L'assassinat du Roi on Maximes du vieil de la Montagne Vaticane, et de ses moines assassins, practiquées en la personne de deffunct Henry le Grand. (Ibid., p. 107 et suiv.).

Apologie pour Iehan Chastel, parisien. (Suppl. aux Memoires de Condé, troisième partie).

II.

Монархисты и монархомахи.

§ 1.

Во Франціи XVI вѣка, въ эпоху религіозныхъ войнъ, идея народнаго суверенитета является идеологическимъ орудіемъ революціонныхъ партій. Гугеноты при Франциск'ѣ II и Карлѣ IX, католики при Генрихѣ III и Генрихѣ IV теоріей народнаго суверенитета доказываютъ законность народнаго возстанія противъ „тираническої“ государственной власти, законность низложенія и даже убійства „тирановъ“ [1]). Отсюда—революціонный характеръ теоріи народнаго суверенитета,—политической доктрины, такъ называемыхъ, монархомаховъ (тираноборцовъ) XVI вѣка.

Отечествомъ тираноборства является Франція; во Франціи религіозная борьба принимаетъ наиболѣе рѣзко и отчет-

---

[1]) По мнѣнію Méaly., (Les publicistes de la Reforme sous Francois II et Gharles IX, Par., 1913, p. 202 suiv.) доктрина протестантскихъ монархомаховъ существеннымъ образомъ отличается отъ доктрины католической Лиги. Насколько первая либеральна, демократична, политически-дальновидна, настолько вторая жестока и анти-либеральна, лишена искренности, продиктована интересами минуты. Согласиться съ этимъ мнѣніемъ трудно. Нельзя, конечно, отрицать, что политическая литература Лиги проникнута духомъ жестокаго и лукаваго іезуетизма, отталкиваетъ крайностями своихъ демагогическихъ лозунговъ; однако, по существу своихъ теоретическихъ воззрѣній, она является вѣрной копіей протестантской доктрины. Какъ справедливо указываетъ Барклай (De regne et regali potestate, p. 387), Буше всецѣло заимствуетъ свои теоретическіе аргументы у Юнія Брута, избѣгая, конечно, какихъ-либо ссылокъ на него. Въ одномъ изъ католическихъ памфлетовъ (Le catholique anglois, 1587) католикамъ дается откровенный совѣтъ: „Qu'on mesure les huguenots à l'aune ou ils mesure autruy. Suivez leurs conseils, conformez vous au chemin qu'ils tiennent pour s'establiz, vous establirez vous même“; цит. у Ch. Labitte, De la démocratie chez les pridicateurs de la Ligue, 2 ed., Par., 1866, p. 74).

ливо выраженныя революціонныя формы, — и это объясняется тѣмъ, что, именно, здѣсь религіозныя тенденціи католицизма и реформаціи—тѣснѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было—сплетаются съ политическими тенденціями феодализма. По своему политическому значенію, вторая половина XVI вѣка является въ исторіи Франціи эпохой послѣдней—трагической въ своей безнадежности—борьбы отжившаго общественнаго строя феодализма съ вырастающимъ на его развалинахъ абсолютизмомъ монархической власти. И на сторонѣ гугенотовъ, и на сторонѣ католиковъ съ монархической властью борется феодальная знать [1]). Въ ея пониманіи, идея народнаго суверенитета является, прежде всего и главнымъ образомъ, отрицаніемъ монархическаго суверенитета: не монарху, а народу,—т. е. феодальному обществу—принадлежитъ въ государствѣ верховная власть. Понятіе суверенитета, намѣченное легистами предшествующей эпохи и окончательно формулированное Боденомъ и его единомышленниками, переносится монархомахами съ короля на народъ; въ этомъ заключается сущность той идейной революціи, которая должна была служить оправданіемъ революціи par voie des faits.

§ 2.

Съ двумя направленіями мы встрѣчаемся въ политической доктринѣ XVI вѣка: одно представлено Боденомъ и его школой (Григорій Тулузскій, Барклай, Альберикъ Гентилисъ и др.); другое—монархомахами, теоретиками народнаго суверенитета.

Не слѣдуетъ думать, что называя Бодена и его школу монархистами, мы, тѣмъ самымъ, характеризуемъ монархомаховъ, какъ республиканцевъ, принципіальныхъ противни-

[1]) Аристократическій характеръ протестантской оппозиціи—общеизвѣстный фактъ. Аристократизмъ католической Лиги замаскированъ до нѣкоторой степени ея грубымъ и неискреннимъ демагогизмомъ; и кромѣ того, наряду со свѣтской, она выдвигаетъ на первое мѣсто духовную знать (см. Ch. Labitte, l. c., p. 41 suiv.).

ковъ монархическаго строя [1]). Напротивъ, и для нихъ, какъ для Бодена, монархія является естественнѣйшей и превосходнѣйшей формой правленія [2]). И они полагаютъ, что монархъ управляетъ государствомъ, по образу Бога, управляющаго вселенной [3]). Проповѣдуя истребленіе тирановъ, они превозносятъ добродѣтели истиннаго монарха [4]). Посягательство на права монархической власти они считаютъ преступленіемъ, достойнымъ жесточайшей кары [5]).

---

[1]) Весьма характерно, что свои революціонные памфлеты большинство монархомаховъ посвящаетъ коронованнымъ особамъ: Готоманъ свою Франко-Галлію—Фридриху Баварскому, Бухананъ свой Діалогъ—Якову VI Шотландскому, Маріана свою апологію тираноубійства—Филиппу III, католическому королю Испаніи. Даже Юній Брутъ посвящаетъ Vindiciae—благочестивымъ и вѣрнымъ князьямъ.

[2]) Mariana, De rege et regis institutione, Lib. I cap. II: „Unum reipublicae praeesse, quam plures praestantius est... In non dispari enim argumentorum pondere et ea sententiarum varietate animus inclinabat ut crederem, ac vero pro certo ponerem, unius principatum caeteris omnibus reipublicae formis esse praeferendum (стр. 25); Rossaeus, De justa Reip. Christianae in reges impios et haereticos authoritate, Cap. I § 6: „Quam perniciosam sententiam priusquam refuto, illud libenter profiteor, mihi nullum esse in quacunque Reipublicae forma nomen et officium regali augustius aut honorificentius. Et si enim populares quoque magistratus et optimatum principatum a Deo datum non ambigo, tamen regium diadema, quemadmodum a maioribus nostris in Christianos respublicas introductum est libenter praedico esse alio quocumque dominatu divinius et praestabilius et hominum generi salutarius".

[3]) Boucher, l. c., Lib. I cap. XII fol. 13 v.: „...jamque ex multis gubernationis formis eam natura ipsa praestare edoceret quae ad unum relata mundi sub uno rectore Deo positi est imitatrix"; Buchananus, l. c., § XXXIX: „Aut si Deus humana specie delaberetur in terras, quis ab hominibus major honos ei haberi posset, quam qui vero Regi, hoc est vivo Dei simulacro, exhibetur".

[4]) Junius Brutus, Vindiciae, Qu. III (стр. 56): „Tyranni regibus, iniusti principes justis e diametro opponuntur. Itaque tantum abest ut quod in Tyrannos dicitur, quidquam regibus detrahat: ut contra quo plus illis detrahitur, eo plus gloriae his accrescat". Срв. великолѣпное сравненіе монарха съ тираномъ, Ibid. Qu. III (стр. 111 и сл.). Срв. Boucher l. c., Lib. III cap. XIX fol. 177 v.

[5]) Rossaeus, l. c., cap. I § 6: „...qui dignitatem eam (i. e. regiam) imminuunt, qui armis lacessere non verentur, eos ego ut divinae volun-

Противоположность политическихъ воззрѣній монархистовъ и монархомаховъ обнаруживается въ вопросѣ объ отношеніи монархической власти къ народу.

Для Бодена независимая и сильная монархическая власть является единственнымъ спасеніемъ Франціи, раздираемой на части, погибающей отъ междуусобной смуты. Монархія воплощаетъ идею религіознаго и политическаго мира, идею новаго государства, стоящаго надъ средневѣковой общественной рознью. Независимость монархической власти отъ всякаго внѣшняго господства—отъ феодализма, имперіи и папства—таковъ политическій идеалъ монархистовъ. Въ частности, монархическая власть должна быть независимой отъ „народа“,—отъ феодальнаго общества, отъ привилегированной знати. Суверенитетъ,—т. е. верховная власть должна принадлежать монарху.

Если Боденъ—предтеча XVII—XVIII вв., эпохи абсолютныхъ монархій, то монархомахи—эпигоны „безгосударственнаго“ средневѣковья. Феодальная монархія—ихъ политическій идеалъ. Возставая во имя интересовъ угнетаемой или угнетающей церкви противъ абсолютизма монархической власти, протестантскіе и католическіе монархомахи одинаково стремятся къ тому, чтобы надъ монархомъ, зависимымъ и несвободнымъ, поставить рѣшающей инстанціей феодальную знать. Монархомахи — монархисты, но они желаютъ монархіи, ограниченной „народомъ“ и зависимой отъ него [1]).

Въ ихъ пониманіи, сущность народнаго суверенитета заключается въ правѣ народа на возстаніе противъ монарха, злоупотребляющаго врученною ему властью.

---

tatis hostes, ut humanae societatis turbatores execror et ferro flammaque persequendos indico“.

[1]) Весьма характеренъ въ разсматриваемомъ отношеніи Діалогъ Буханана. Послѣдній до такой степени проникнутъ недовѣріемъ къ монархической власти, что его собесѣдникъ Metallanus не безъ основанія замѣчаетъ: „Regem enim tam angustis finibus inclusisti, ut vereor ne, si diutius immoremur, e maximis opibus ac summa dignitate velut in desertam aliquam insulam eum releges, ubi omnibus exutus honoribus in egestate et miseriis conseuescat“ (De jure Regni, § XXXIX).

Доктрина монархомаховъ—не нова; съ ея элементами мы встрѣчаемся въ публицистикѣ ранняго средневѣковья. Уже въ XI вѣкѣ нѣмецкій монахъ Манегольдъ Лаутенбахскій категорически утверждаетъ, что власть свѣтскихъ властителей является должностью (vocabulum officii), которую народъ поручилъ имъ въ силу договора. Поэтому въ случаѣ нарушенія монархомъ договора, народъ можетъ прогнать невѣрнаго властителя, какъ хозяинъ вороватаго пастуха [1]). Излюбленное монархомахами противоположеніе монарха тирану встрѣчается уже въ XII вѣкѣ въ писаніяхъ Іоанна Салисбюрійскаго. Монархъ—образъ Божества на землѣ; тиранъ—образъ насилія, возстающаго противъ Бога, исчадіе ада, дьявольское навожденіе. Монархъ долженъ быть любимъ и почитаемъ, ему слѣдуетъ повиноваться; тиранъ подлежитъ уничтоженію: occidendus est [2]).

Позднѣе, въ XIII вѣкѣ мы встрѣчаемся съ теоріей „тираноборства“ у „ангельскаго доктора“ схоластической философіи, Ѳомы Аквинскаго. Ѳома Аквинскій является величайшимъ авторитетомъ для монархомаховъ XVI вѣка; въ частности, они заимствуютъ у него теорію, такъ называемой, смѣшанной формы правленія, заимствованную имъ самимъ у философовъ древности [3]). Въ XIV вѣкѣ Марсилій Падуанскій, родоначальникъ демократическихъ идей современности („Defensor pacis“, 1324—1327 г.), категорически утверждаетъ, что законодательная власть всегда и необходимо остается у народа: для правительственныхъ дѣлъ народъ создаетъ должность принципата. Но правитель всегда подчиненъ законодателю:

[1]) O. Gierke, Das deutsche Genossenschaftsrecht, Bd. III, стр. 562 и сл.; см., въ особенности, стр. 565 прим. 130; F. v. Bezold, Die Lehre von der Volkssouveränetät im Mittelalter (Sybel's Historische Zeitschrift 1876 г., стр. 315 и сл.).

[2]) Въ сборникѣ Charles Jourdain, Excursions historiques et philosophiques à travers le moyen-age статья: „Mémoire sur la royauté française et le droit populaire d'après les écrivains du moyen-age“, стр. 523 и сл.; Janet, Histoire de la science politique, 3 éd., t. I p. 341 et suiv.

[3]) Janet, l. c., I, стр. 381 и сл.; Charles Jourdain, l. c., стр. 532 и сл.

„per auctoritatem a legislatore sibi concessam“, онъ является „secundaria, quasi instrumentalis seu executiva pars“ государства. Правитель назначается, направляется и смѣщается законодателемъ—народомъ [1]).

Сравнительно-новыхъ политическихъ идей въ доктринѣ монархомаховъ мало. Историческое значеніе этой доктрины заключается въ томъ, что средневѣковая идея народнаго суверенитета переносится ею въ политическую среду новаго,—т. е. современнаго государства. Проникнутая настроеніями революціонной эпохи,—ненавистью къ тиранніи и любовью къ свободѣ, обвѣянная духомъ неудержимаго протеста, идея эта становится живою силой, разрушительнымъ началомъ, медленно и постепенно, въ теченіе столѣтій, разлагающимъ и дезорганизующимъ государственный строй абсолютизма. Въ революціонныхъ выступленіяхъ французскаго конвента, въ рѣчахъ Марата и Дантона, Сенъ-Жюста и Робеспьера, какъ набатный колоколъ, звучатъ негодующія и пламенныя тирады монархомаховъ XVI вѣка.

§ 3.

Политическая доктрина монархистовъ резюмируется знаменитыми „Шестью книгами о республикѣ“ Бодена, наиболѣе выдающимся произведеніемъ публицистики XVI вѣка. Для своихъ единомышленниковъ и послѣдователей Боденъ—недосягаемый авторитетъ. По вопросу о суверенитетѣ госуд. власти ничего новаго, въ сравненіи съ „Шестью книгами о республикѣ“, въ произведеніяхъ Барклая, Гентилиса и др. не найти. Поэтому для характеристики политической доктрины монархистовъ мы считаемъ возможнымъ ограничиться внимательнымъ анализомъ „Республики“ Бодена.

Иначе стоитъ дѣло съ монархомахами. Напрасно бы мы стали искать какой-либо законченной системы въ продиктованныхъ интересами минуты, революціонныхъ памфлетахъ

[1]) Sigmund Riezler, Die literarischen Widersacher der Päpste zur Zeit Ludwig des Baiers, стр. 193 и сл.; Otto Gierke, Johannes Althusius, 2 Aufl., стр. 125.

монархомаховъ. Протестанты — Франциск Готоманъ и Юній Брутъ, пуританинъ Бухананъ, католики — Буше, Россеусъ и Маріана, и др.—не столько ученые теоретики, создающіе научную систему, сколько революціонно-настроенные памфлетисты, сражающіеся перомъ, какъ мечомъ, за жизненные интересы своей партіи [1]). Vindiciae contra tyrannos Юнія Брута продиктованы воспоминаніями Варѳоломеевой ночи [2]); Буше и Маріана превозносятъ „memorabile facinus“ Клемента, убійцы Генриха III [3]); по мнѣнію

[1]) Даже наиболѣе спокойный и серьезный историческій трактатъ Готомана является, въ сущности, страстнымъ политическимъ памфлетомъ. Готоманъ скорбитъ о современномъ состояніи Франціи. См. Praefatio: „Ac fuit tempus cum in Franco-Galliam nostram undique ex omnibus terrarum oris, sese studiosi adolescentes effunderunt et ad nostras academias, tanquam ad bonarum artium mercaturam conferrent; nunc illa quasi maria piratis infecta horrent, neque secus quam Cyclopicam barbariem execrantur. Cujus rei meum pectus memoria exulcerat, cum cogito, miseram et infortunatam patriam duodecim iam fere annorum spatio incendiis civilibus exarsisse“. Прославляя тираноубійство въ прошломъ (См. cap. VII), Готоманъ стремится преподать соотечественникамъ полезныя указанія для будущаго; см. Praefatio: „Ex qua incredibile dictu est, quantam majorum nostrorum in constituenda Republica nostra sapientiam cognoscere liceat; ut mihi quidem nequaquam dubium esse videatur, quin ab illa certissimum tantorum malorum remedium petendum sit“.

[2]) Страстная ненависть къ тираніи — такова общая черта, свойственная литературѣ монархомаховъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ она выливается въ форму, исключительную по своей силѣ и краснорѣчію. Срв., напр., классическое сопоставленіе монархіи съ тираніей у Юнія Брута, Vindiciae, Qu. III, стр. 111 и сл.; срв. также стр. 124. Buchanani. De jure regni, §§ XLV и сл.; § XLVIII.

[3]) Boucher, l. c., Lib. IV, cap. 19. fol. 281 r. „Mors Henrici inopina ac caedes mirabilis“... Mariana, l. c., Lib. I. cap. VI (стр. 53 и сл.), „Facinus memorabile Jacobi Clementis... Caeso Rege ingens sibi nomen fecit, caede caedes expiata ac manibus Guisii Ducis, perfide percmpti, regio sanguine est parentatum. Sic Clemens ille periit, viginti quatuor natus annos, simplici iuvenis ingenio, neque robusto corpore, sed major vis vires et animum confirmabat“. Въ первомъ (Толедскомъ) изданіи своей книги (1599) Маріана называетъ Клемента, убійцу Генриха III,— „aeternum Galliae decus“ (стр. 68). Срв. отзывъ объ убійствѣ Генриха III испанскаго іезуита Ribadenera въ Anti-Cotton, ch. I (Supplement

Россеуса, подлежатъ истребленію всѣ, вообще, еретики-монархи, и въ ихъ числѣ „haereticus relapsus“, Генрихъ IV [1]). Не столько существу своей доктрины, сколько ея революціонному настроенію названные писатели обязаны наименованіемъ „монархомаховъ“ [2]).

Истиннымъ теоретикомъ „монархомахизма“, — творцомъ теоріи народнаго суверенитета, является Іоганнъ Альтузіи, нѣмецкій публицистъ, стоящій на границѣ между XVI и XVII вѣкомъ. Его „Политика“ (1603 г.) бѣдна оригинальными идеями; нѣтъ въ ней ни одного положенія, которое не было бы до него формулировано большинствомъ монархомаховъ. Большая заслуга Альтузія заключается, однако, въ томъ, что идеи монархомаховъ впервые сведены имъ въ законченную и стройную систему; его „Политика“ резюмируетъ политическую теорію революціонныхъ, церковныхъ и политическихъ, партій XVI вѣка.

Тѣмъ не менѣе, Альтузіи — далеко не Боденъ. Знакомство съ его „Политикой“ не можетъ освободить насъ отъ необходимости непосредственнаго обращенія къ литературѣ монархомаховъ. То, что составляетъ наиболѣе яркую особенность этой литературы, — революціонное настроеніе, проникающее ее, — не вмѣщается въ главы и параграфы

aux Mémoires de Condé, 4 partie, p. 48); François de Verone, Apologie pour Iehan Chastel (Ibid, 3 partie) passim; въ особенности, Ch. XII: Hérétiques executez par les Particuliers, si aultrement ne se peut; CLXIII: Le semblable aussi des Tyrans.

[1]) Rossaeus, l. c., cap. IX, § 13: „Denique non solum permitti subditis, ut contra reges haereticos arma sumant, sed etiam laudabile esse, idque subditorum Christianorum officium requirere...“

[2]) Впервые наименованіе „монархомаховъ“ дается разсматриваемымъ писателямъ въ полемическомъ сочиненіи Guilielmi Barclaii, De regno et regali potestate adversus Buchananum, Brutum, Boucherium et reliquos monarchomachos“. (Par., 1600). Въ текстѣ Барклай называетъ также Буханана „monarchomastix“(Lib. I, стр. 8), Брута—„misomonarcha“ (Lib. V, стр. 387). Удачное, какъ полемическій пріемъ, наименованіе Буханана, Брута, Буше и др., монархомахами не вполнѣ соотвѣтствуетъ существу ихъ политической доктрины. См. Althusii. Politica, cap. XXXVIII § 105.

догматической системы. Останавливаясь предъ крайними выводами, вытекающими съ логической необходимостью изъ основныхъ предпосылокъ, установленныхъ монархомахами, Альтузій вмѣсто подлинной доктрины монархомаховъ даетъ ея стилизацію въ духѣ Германской юриспруденціи [1]). Необходимо обратиться къ первоисточнику, — къ монархомахамъ XVI вѣка для того, чтобы составить себѣ отчетливое представленіе о дѣйствительной сущности революціонной теоріи народнаго суверенитета.

---

[1]) Нельзя, впрочемъ, никакъ согласиться съ Ch. Labitte (De la Democratic chez les prédicateurs de la Ligue, 2 éd., 1866, p. 47, note 1), характеризующимъ „Политику“ Альтузія, какъ „un écho tardif et insignifiant“.

III.

Политическая доктрина Ж. Бодена.

§ 1.

Историческое значеніе „Шести книгъ о Республикѣ“ Бодена заключается, прежде всего, въ томъ, что имъ впервые дается теоретическая формулировка понятія суверенитета. Подъ суверенитетомъ Боденъ понимаетъ опредѣленное свойство государственной власти,—ея верховный характеръ [1]). Суверенитетъ означаетъ безусловную независимость государственной власти отъ какой бы то ни было иной, стоящей надъ или рядомъ съ нею. Суверенитетъ принадлежитъ тому, кто не знаетъ и не признаетъ надъ собою ничьей, кромѣ безсмертнаго Бога, верховной власти [2]); кто никому, кромѣ безсмертнаго Бога, не обязанъ отчетомъ въ своихъ дѣлахъ [3]); кто не имѣетъ не только господина надъ собою,

---

[1]) Утвержденіе Н. Болдырева (Ж. М. Н. Пр., 1910 г., янв., стр. 79) будто суверенитетъ, по Бодену, не есть свойство госуд. власти, именно верховенство ея, а сама эта власть», ничѣмъ не подкрѣпленное, кромѣ искусственнаго грамматическаго толкованія одного изъ многочисленныхъ опредѣленій суверенитета, даваемыхъ Боденомъ, представляется совершенно неубѣдительнымъ. Срв. Паліенко, Суверенитетъ, стр. 80 и сл.

[2]) De republica, Lib. I cap. VIII: „....nam is maiestatem habet, qui post Deum immortalem se ipso maiorem videt neminem“ (стр. 126), Ibid. «Eum autem qui iura maiestatis habeat, nullius imperio teneri oportet (стр. 153). Ibid., Lib. I cap. IX: „Diximus jura maiestatis eum habere, qui post Deum immortalem subditus sit nemini; quia si cuiquam servire aut imperanti parere cogatur, seu sponte seu invitus id faciat, maiestatis nomen amittit (стр. 169); ibid., Lib. II cap. II: „...quia summus dicitur qui nullius imperio tenetur et caeteros cives, tum universos tum singulos, coercere potest (стр. 292). Срв. ibid., lib. I cap. X (стр. 230) и др.

[3]) Ibid., Lib. I cap. VIII: „...princeps vero, populusve, in quibus maiestas inest, rationem rerum gestarum nemini, praeterquam immortali Deo reddere coguntur (стр. 126).

но и равнаго себѣ товарища въ осуществленіи власти [1]). Некòму и некуда жаловаться на суверена, ибо право „послѣдней апелляціи“ (extrema provocatio) принадлежитъ ему [2]) Какъ свойство государственной власти, суверенитетъ неотчуждаемъ и недѣлимъ, не погашается давностью, никому не можетъ быть переуступленъ. Власть можетъ быть верховной, или не быть таковою; раздробленный или дѣленныій суверенитетъ—логическая невозможность [3]).

Независимость государственной власти,—т. е. ея суверенитетъ проявляется въ двоякомъ направленіи: во-внѣ, какъ независимость государства отъ другихъ государствъ и, внутри государства, какъ независимость государственноі

---

[1]) Ibid., Lib. I cap. X: „....summus is dicitur, qui nec superiorem nec ejusdem imperii socium habet. Et quemadmodum Deus opt. max. Deum sibi parem efficere non potest, quia infinitae sit potestatis ac magnitudinis; duo vero infinita ut sint, fieri nullo modo potest; id enim naturae perspicuis demonstrationibus patet: ita nec princeps summus esse possit, qui subditum imperii socium esse patiatur (стр. 234). Срв. также Lib. III cap. IV: Nam hoc maxime princeps a magistratu differt: quod princeps quem sibi conferat aut anteferat in Republica videt neminem: quippe ab altissimo et immortali Deo proximo gradu collocatus, cives omnes longo intervallo inter se descipit (стр. 447). Ibid., Lib. IV cap. IV: «Et quidem inane est imperium, quod vel provocatione interrumpi, vel intercessione suspendi, vel pluribus communicatu impediri, vel concursu infirmari potest (стр. 1113).

[2]) Ibid., Lib. I cap. X (стр. 251 и сл.). Срв. аналогичныя опредѣленія суверенитета: Barelaii, l. c., Lib. I p. 3: „..... eam regiae majestatis praerogativam esse, ut uni tantum Deo, quem solum superiorem agnoscit, rerum a se gestaram factorumque omnium rationem reddat“; ibib., Lib. III p. 207: „Contra enim rationem est, contraque naturam, superiorem ab inferiori iudicari. Inferior autem semper populus est, si Monarhia est: neque enim monarchia dici potest, si socium aut superiorem in imperio habeat“. Alberici Gentilis, Regales Disputationes tres, p. 8: „Supremi sunt, quibus est nullus supra, sed ipsi sunt supra omnes in omnibus.

[3]) De republica Lib. I cap. X: Illud etiam Jurisconsultorum communi quodam decreto constat, ea iura nec cedi nec distrahi, nec ulla ratione abalienari a summo principe posse, atque ulla quidem temporum diuturnitate praescribit; quae propterea Baldus sacra sacrorum, Cynas individua appellat (стр. 234). Срв. Lib. II cap. I: «Nam maiestas per se ipsa quiddam est individuum (стр. 275).

власти отъ народа. Государственной власти, какъ власти верховной, принадлежитъ не только международный, но и государственно-правовой суверенитетъ.

Въ отношеніи международномъ государственная власть вполнѣ и безусловно независима отъ власти другихъ государствъ. Французскій король является сувереномъ потому, что онъ не зависитъ ни отъ имперіи, ни отъ папства,—post Deum immortalem se ipso superiorem agnoscit neminem [1]). И наоборотъ, не можетъ быть и рѣчи о суверенитетѣ владѣтельныхъ князей Германіи, обязанныхъ вѣрностью императору, получающихъ отъ него инвеституру [2]). Властитель. дающій законы своимъ подданнымъ, но самъ подчиняющійся законамъ другого властителя, никогда не обладаетъ суверенитетомъ [3]).

Независимый въ отношеніяхъ международныхъ, суверенъ независимъ и въ отношеніяхъ внутри-государственныхъ. Вслѣдъ за Аристотелемъ, Боденъ различаетъ три формы государственнаго устройства,—демократическую, аристократическую и монархическую формы. Въ демократіяхъ государственная власть принадлежитъ народу, въ аристократіяхъ—оптиматамъ, въ монархіяхъ—одному лицу, монарху [4]). Кому бы ни принадлежала государственная власть—народу, оптиматамъ или монарху—всегда и необходимо она является суверенной, т. е. независимой властью. Неотдѣлимость суверенитета отъ государственной власти — таково основное положеніе теоріи Бодена. Какъ бы ни были широки полномочія, предоставляемыя народомъ властителю, — если

---

[1]) Ibid., Lib. I cap. IX passim. (см., въ особенности, стр. 202 и сл. стр. 218).

[2]) Ibid., Lib. I cap. X (стр. 233). Отношеніе вассальной зависимости стоитъ, по мнѣнію Бодена, въ противорѣчіи съ суверенитетомъ государства. Напротивъ, какъ международная clientela, такъ и уплата трибута суверенитету не противорѣчитъ. См. ibid, Lib. I cap. IX.

[3]) De republica, Lib. I cap. X: Dux igitur qui subditis quidem omnibus legem dat, ab Imperatore tamen aut pontifice aut a Rege legem accipit, aut ejusdem imperii socium habet, summo imperio vacat (стр. 243).

[4]) Ibid., Lib. II, passim.

эти полномочія предоставлены ему на время, или прекарно (quoad videbitur), или на извѣстныхъ условіяхъ, о суверенитетѣ властителя не можетъ быть и рѣчи [1]). Такой властитель—напримѣръ, диктаторъ древняго Рима—является, конечно, верховнымъ магистратомъ, хранителемъ государства и оберегателемъ верховной власти; онъ не можетъ быть, однако, признаваемъ сувереномъ, ибо сувереномъ остается народъ. Въ отличіе отъ монархіи, принципатъ,—т. е. правленіе одного лица, не обладающаго суверенитетомъ, является либо демократической, либо аристократической формой правленія [2]).

Государственная власть, разумѣется, можетъ принадлежать народу, но, если она народу не принадлежитъ, она должна быть независимой отъ него. Полагая, что монархъ не долженъ управлять иначе, какъ согласно съ волею народа, Аристотель тѣмъ самымъ отрицаетъ суверенитетъ монархической власти. Монархъ, подчиненный народу, только

---

[1]) Ibid., Lib. I cap. III: «Perpetuam diximus esse oportere (potestatem), quia fieri potest ut uni pluribusve summa in cives potestas, nec tamen perpetua tribuatur, sed ad breve tempus, cuius decursu summa potestate abdicat. Non igitur summi principes dici possunt, sed potius summae potestatis ac imperii custodes tamdiu sunt, quoad summus princeps populusve depositum imperium reposcat, cuius ipsi sunt verissimi possessores ac domini, non aliter quam qui res suas commodato vel pignori dederunt, aut suam iurisdictionem imperiumve alteri fruendum sive ad certum tempus sive precario permisserunt, suae potestatis iurisdictionisque arbitri ae possessores esse non desinunt" (стр. 123).... „....quia si voluntate superioris summum imperium in magistratu continuatur, non tamen propterea maiestatem illi tribuemus, cum nihil habeat nisi precario: qui autem precario habet, nec dominus est, nec possessor. Quae n. tanta fuit unquam ullius magistratus post principem, quanta fuit superioribus annis Henrico II Andium Duci potestas a Carolo IX fratre tributa; fuit enim summa et quidem perpetua, sine ulla regalis potestatis exceptione; non tamen summa fuit cum Legatus sui principis diceretur: subiecta vulgari clausula, quoad videbitur, quae praecarium imperium satis significat. Legati vero potestas, aeque ac magistratuum omnium, principe presente penitus evanescit (стр. 128).

[2]) О диктаторѣ см. Lib. I cap. VIII (стр. 124); о римскомъ принципатѣ Lib. II cap. I (стр. 230 и сл.); ср. также Lib. I cap. VIII (стр. 145 и сл.).

по имени монархъ; въ дѣйствительности, онъ является простымъ магистратомъ, которому власть дается и у котораго она можетъ быть отнята по свободному усмотрѣнію народа [1]).

§ 2.

Maiestas est summa in cives ac subditos legibusque soluta potestas [2]).

Такимъ образомъ, на ряду съ верховнымъ, надзаконный характеръ государственной власти является, по мнѣнію Бодена, существеннымъ моментомъ въ понятіи суверенитета.

Понимая подъ суверенитетомъ опредѣленное свойство государственной власти,—ея верховный характеръ, Боденъ вмѣстѣ съ тѣмъ отождествляетъ суверенитетъ съ государственной властью, вообще: полномочія государственной власти разсматриваются имъ, какъ praecipua capita maiestatis, les vrays marques de souveraineté.

Къ числу полномочій, составляющихъ необходимое содержаніе суверенитета, Боденъ относитъ: право законодательства, право объявленія войны и заключенія мира, назначеніе должностныхъ лицъ, право послѣдняго рѣшенія (extrema provocatio), право помилованія, право на послушаніе и вѣрность подданныхъ, право чеканки монетъ, опредѣленія вѣса и мѣръ, право взиманія налоговъ и пошлинъ [3]).

Всѣ эти полномочія, по мнѣнію Бодена, неотдѣлимы отъ суверенной власти: они не могутъ быть ни уступлены, ни

[1]) Ibid., Lib. II cap. III: „....quemadmodum Aristoteles scribit, qui Regem definiit eum qui suffragio creatus, ex ipsius populi voluntate imperat, eundem tamen fieri tyrannum, si vel minimum a populi voluntate discesserit. Quae descriptio non solum a ratione deseritur, verum etiam perniciosa est: nam ius illud maiestatis, quod regis maxime proprium esse demonstravimus, concidat oportet; si quidem invitis ac nolentibus subditis imperari nihil ab ipso Rege possit, qui etiam leges a populo accipere cogeretur. Denique omnia populo licercent.... nec vero Rex alius esset quam magistratus cui arbitrio populi precario potestas et daretur et eriperetur (стр. 305).

[2]) Ibid., Lib. I cap. VIII (стр. 123).

[3]) De republica, Lib. I, cap. X passim. (стр. 230 и сл.).

изъяты, ни по какому бы то ни было основанію отчуждены сувереномъ; никакая давность не можетъ суверена этихъ полномочій лишить [1]).

Важнѣйшимъ изъ нихъ является, конечно, законодательная власть; законодательная власть—primum ac praecipuum caput maiestatis [2]). Боденъ знаетъ одно только формальное понятіе закона: всякое велѣніе суверена, обращенное ко всѣмъ гражданамъ и къ каждому изъ нихъ въ отдѣльности,—есть законъ [3]); законъ отличается отъ эдикта тѣмъ, что первый исходитъ отъ суверена, второй отъ подчиненныхъ ему магистратовъ [4]). Съ этой точки зрѣнія, всѣ, вообще, полномочія суверена охватываются понятіемъ его законодательной власти. Суверенъ законодательствуетъ, объявляя войну и миръ, разсматривая въ послѣдней инстанціи рѣшенія магистратовъ, назначая должностныхъ лицъ, даруя милости, опредѣляя стоимость и вѣсъ монеты. Въ сущности, такимъ образомъ, единственнымъ полномочіемъ суверена является его законодательная власть [5]).

Законодательная власть суверена абсолютна. Maiestas est

---

[1]) См. выше, стр. 248, прим. 3.

[2]) Ibid. (стр. 240).

[3]) Ibid. Lib. I, cap. VIII: „Est enim Lex nihil aliud, quam summae potestatis iussum (стр. 159); срв. Lib. I, cap. X: „Leges—recta summae potestatis iussa, sive unius, sive omnium, sive paucorum sit potestas“ (стр. 235). Боденъ отвергаетъ принципіальное различіе между закономъ и привилегіей. „Quod autem maiestatis praecipuum caput esse diximus universis ac singulis civibus legem dicere; postrema verba ad privilegia spectant: privilegium appello legem, in unum aut paucos cives latam, sive ad eorum conmoda, sive ad detrimenta spectet (стр. 241).

[4]) Ibid. „Verbis igitus abutuntur, qui edicta, quae propria sunt magistratuum, leges appellant: illud tamen teneamus, iubendae legis potestatem eorum tantum esse, qui summum imperium habent, id est, qui suis imperiis non modo singulos sed etiam universos obligare possunt“ (стр. 237).

[5]) Ibid. „Hac igitur iubendae ac tollendae legis summa potestate caetera maiestatis capita venire perspicuum est, ut verissime dici possit: summum reipublicae imperium una re comprehensum, scilicet universis ac singulis civibus leges dare...“ (стр. 243).

summa in cives ac subditos legibusque soluta potestas [1]). Значитъ ли это, что Боденъ абсолютистъ? Отнюдь, нѣтъ. Вопреки широко распространенному мнѣнію, мы считаемъ сближеніе Бодена съ Гоббсомъ, по существу, не правильнымъ [2]).

Конечно, законодательное право страны не связываетъ и не обязываетъ суверена. Princeps legibus solutus est [3]). Именно потому, что велѣніе суверена—законъ,—законъ для суверена обязательной силы не имѣетъ. Какъ училъ Помпоніи, nulla obligatio consistere potest, quae a voluntate promittentis statum capit [4]).

Врядъ ли, однако, необходимо доказывать, что представленіе о законѣ, какъ объ единственномъ источникѣ права, органически чуждо политической философіи XVI вѣка.

Монархъ свободенъ отъ подчиненія закону (ordinarium ius); онъ не свободенъ отъ подчиненія праву: legibus, но не iure solutus est. Суверенъ стоитъ подъ правомъ, а не надъ нимъ. Если мы станемъ опредѣлять верховную власть, какъ власть свободную отъ подчиненія всѣмъ законамъ, ни одинъ властитель не можетъ быть признанъ сувереномъ, ибо каждый

---

[1]) Ibid. Lib. I cap. VIII. (стр. 123). Срв. ibid. „Maiestas vero nec maiore potestate, nec legibus ullis, nec tempore definifur. (стр. 125).

[2]) Срв., напр., Hancke, Bodin, стр. 4: „... Auf diesem Boden verteidigt Bodin mit scharfen Waffen das Eigenthum des Herrschers an der Majestät und baut als Correlat hierzu einen Souveränetätsbegriff auf, wie er an absolutistischer Färbung nur noch einmal übertroffen wurde—bei Hobbes, an logischen Konsequenz niemals. См. также ст. Dunning, Jean Bodin on Sovereigty with some reference to the doctrine of Thomas Hobbes (Political science Ouarterly, v. XI. № 1, стр. 82 и сл.).

[3]) De republica, l. I, cap. VIII: „Principi leges a se latas sua voluntate ac sive subditorum consensu, abrogare vel quadam ex parte legibus derogare, vel subrogare, vel obrogere licere, ac semper licuisse si aequitas ipsa id postulare videatur; derogatio vero, vel abrogatio, vel etiam obrogatio non obscura aut ambigua, sed singulari verborum concep-tione fieri debet“ (стр. 134).

[4]) De republica, Lib. I cap. VIII (стр. 134). Срв. Barclaii, l. c. Lib. II p. 88: „Et enim profecto absoluta haec administrandi imperii potestas libertasque velut perpetua quaedam regiae maiestatis comes et socia est, sine qua nec Rex nec regnum concipi animo et excogitari possit“; срв. Alberici Gentilis, Disputationes, p. 1 sq.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

суверенъ подчиненъ божественному закону, закону природы, а также отличному отъ того и другого общенародному закону [1]).

Ученіе о правоограниченіяхъ суверенной власти принадлежитъ къ числу наименѣе разработанныхъ, наиболѣе темныхъ ученіи „Республики“ Бодена. И это объясняется тѣмъ, что оно стоитъ въ противорѣчіи съ практической тенденціей книги; всемогущество монархической власти представляется Бодену единственной связью, скрѣпляющей государство [2]),— и, въ частности, единственнымъ средствомъ спасенія Франціи отъ анархіи междуусобныхъ смутъ [3]).

И тѣмъ не менѣе, традиціоналистъ по складу своего ума и характера, Боденъ не можетъ, конечно, сочувствовать ученію абсолютистовъ, какъ радикальному новшеству, про-

[1]) De republica, Lib. I cap. VIII: „Quid autem sit absoluta, vel potius soluta lege potestas, nemo definiit. Nam si legibus omnibus solutam definiamus, nullus omnino princeps iura maiestatis habere comperiatur, nam omnes teneat lex divina, lex item naturae, tum etiam lex omnium gentium communis, quae a naturae legibus ac divinis divisas habet rationes (стр. 132). ...Ibid. „Sed legibus divinis ac naturalibus principes omnes ac populi aeque obligantur, quos qui perrumpere aut infirmare tentabunt, divinae maiestatis iudicia non effugient. Quod igitur summum in Republica imperium legibus solutum diximus, nihil ad divinas aut naturae leges pertinet. (стр. 134). Срв. Lib. II, cap. III: „Subditos Regi obsequentes esse oportere diximus, ut in eo solida iura maiestatis inesse iudicaretur; eundem tamen naturae legibus obligari; id est, subditos naturali aequitate regere, cuius splendor Solis ipsius luce clarior est (стр. 303). Albercus Gentilis, l. c., p. 17: „Princeps secundum quid absolutus: nec absolutus legibus Dei, naturae, gentium. Princeps.... supra ius, scilicet civile; infra ius, scilicet naturale et gentium ... Non supra divinum ius.... Ligatur princeps et lege contractus....“

[2]) De republica, Lib. I, cap. II: „Est igitur summum imperium, quasi Reipublicae cardo, quo magistratus ac leges innituntur, et cuius vi ac potestate collegia, corpora, familiae, singuli cives in unum veluti corpus coguntur“. (стр. 16).

[3]) Ibid., Praefatio, passim. Срв. Barclaii, l. c., посвященіе: „....sic etiám convulsis florentissimi regni Gallici fundamentis, quae in summa, libera et absoluta Regis potestate, populique obsequio posita sunt, vicina regna et principatus minus ampli et opulenti eius casu et ruina perfacile nutarent.“

творѣчащему традиціи. Суверенную власть онъ мыслитъ; какъ власть, ограниченную объективнымъ правопорядкомъ. Leges Dei, naturae, et gentium обязываютъ и связываютъ суверенную власть.

Нельзя сказать, чтобы взгляды Бодена на природу божественнаго и естественнаго права, или права народовъ отличались достаточной опредѣленностью; въ частности, нормативный характеръ этого права сознается имъ далеко не вполнѣ, или, по крайней мѣрѣ, не въ той мѣрѣ, въ какой сознается имъ нормативный характеръ положительнаго права. Республику Боденъ опредѣляетъ, какъ совокупность семействъ, управляемыхъ разумомъ и высшею властью (summa potestate ac ratione moderata multitudo) [1]).

Не столько правомѣрностью, сколько разумностью власти отличается государство отъ разбойничьей шайки. Есть, говоритъ Боденъ, большое различіе между закономъ и правомъ. Право не предполагаетъ велѣній; оно констатируетъ то, что хорошо и справедливо. Въ законѣ выражается величество властителя, ибо законъ есть не что иное, какъ велѣніе (iussum) верховной власти [2]).

Съ другой стороны, сближеніе естественнаго закона съ положительнымъ встрѣчается въ „Республикѣ“ Бодена чуть ли не на каждомъ шагу. Такъ, напримѣръ, въ монархіяхъ, по его мнѣнію, королевская власть учреждена такимъ образомъ, чтобы подданные повиновались законамъ властителя, властитель — законамъ природы; законъ, такимъ образомъ, господствующій надъ подданными и властителемъ, одними и тѣми же узами связываетъ подданныхъ, какъ

---

[1]) Ibid, Lib. I cap. I: „Respublica est familiarum rerumque inter ipsas communium, summa potestate ae ratione moderata multitudo“. Во французскомъ изданіи опредѣленіе это гласитъ: „République est un droit gouvernment des plusieurs mesnages et de ce qui leur est commun, avec puissance souveraine.“

[2]) Ibid, Lib. I cap. VIII: „Sed plurimum distat lex a iure: ius enim sine iussu, ad id quod aequum bonum est: lex autem ad imperantis maiestatem pertnet. Est enim lex nihil aliud, quam summae potestatis iussum“ (стр. 159).

другъ съ другомъ, такъ, равнымъ образомъ, съ властителемъ [1]).

Во всякомъ случаѣ, императивный характеръ естественнаго и божественнаго права является для Бодена безспорнымъ. Тиранію Боденъ опредѣляетъ, какъ господство одного лица, не ограниченное законами Бога и природы [1]). По самому существу своему, тиранія всегда и необходимо неправомѣрна. Какъ мы увидимъ впослѣдствіи, Боденъ не признаетъ за гражданами права на активное сопротивленіе тираническої власти; пассивное сопротивленіе ея велѣніямъ, какъ актамъ неправомѣрнымъ и потому ничтожнымъ, является, по его мнѣнію, не только правомъ, но и обязанностью гражданина [3]).

Наряду съ божественнымъ и естественнымъ закономъ, Боденъ упоминаетъ объ основныхъ законахъ страны (leges imperii), ограничивающихъ суверенную власть. [4]) Законы эти, въ отличіе отъ божественнаго и естественнаго права, имѣютъ положительный характеръ; они—человѣческаго происхожде-

---

[1]) Ibid, Lib. II, cap. III: „Regia potestate sic constituta, ut subditi quidem principis legibus, princeps autem legi naturae pateat, lex utrinque domina, subditos inter se et cum principe iisdem vinculis copulabit (стр. 304).

[2]) Ibid. Lib. II, cap. IV: „Tyrannis est, in qua unus homo, divinis ac naturae legibus sublatis, rebus alienis ut suis et liberis hominibus quasi mancipiis ad libidinem abutitur. (стр. 311).

[3]) Ibid. Lib. II, cap. V: „... quantacunque (princeps) tyrannide cives opprimere conetur, iussa quidem ipsius, quae cum divinis ac naturae legibus pugnant, repudiare quisque potest; ac prius magno animo ac forte mortem oppetere, quam pareas, si fuga saluti consulere non possis". (стр. 332).

[4]) По словамъ, Gierke (Johannes Althusius, 2 Aufl., S. 285), „Im Sinne des Bodinus und seiner Schule bestand hierbei zwischen den gewöhnlichen bürgerlichen Cesetzen und den Verfassungsgesetzen kein Unterschied: jede rechtliche Gebundenheit durch „leges fundamentales" sollte den Begriff der Souveränetät zerstören und der wahre Souverän sollte um des öffentlichen Wohles willen die Verfassung zu brechen befugt sein". Поскольку у Gierke идетъ рѣчь о Боденѣ, его утвержденіе представляется безусловно неправильнымъ. Срв. Палієнко, Суверенитетъ,. стр. 82.

нія (leges humanae) [1]),—и, тѣмъ не менѣе, обязательны для суверена, — обязательны потому, что, не созданные имъ, они являются источникомъ и основаніемъ его власти. Во Франціи законъ о престолонаслѣдіи (lex Salica), какъ законъ имперіи, не можетъ быть ни измѣненъ, ни отмѣненъ монархомъ. Къ числу основныхъ законовъ Боденъ относитъ законы, опредѣляющіе содержаніе правъ Величества, а также относящіеся къ государственнымъ доменамъ [2]).

Необходимо замѣтить, что ученіе Бодена объ основныхъ законахъ является весьма мало продуманнымъ и неяснымъ,—и эта непродуманность и неясность отнюдь не случайны: они объясняются политическими тенденціями его доктрины.

Въ самомъ дѣлѣ, каковъ источникъ Основныхъ Законовъ? Само собою разумѣется, не воля народа: властитель-ограниченный волеіі народа, не является суверенемъ [3]). И точно также—не воля суверена: велѣніе, исходящее отъ самого суверена, никогда не ограничиваетъ его власти [4]). Наконецъ, не договоръ между народомъ и суверенемъ: властитель, ограничивающіі по договору съ народомъ права своего верховенства, тѣмъ самымъ отказывается отъ принадлежащаго ему суверенитета [5]).

Во Франціи монархическая форма правленія и порядокъ престолонаслѣдія, начало первородства и исключенія женщинъ, установлены, по его мнѣнію, древнимъ обычаемъ съ незапамятныхъ временъ [6]). Съ другой стороны, однако,—и въ

---

[1]) Ibid. Lib. III, cap. IV (стр. 452).

[2]) Ibid. Lib. I, cap. VIII: „Quantum vero ad imperii leges attinet, cum sint cum ipsa maiestate coniunctae, principes nec eas abrogere, nec iis derogare possunt: cuiusmodi est lex Salica regni huius firmissimum fundamentum. Quod si legibus imperii derogatum sit, hoc sarciri solet a magistratibus, mortuo principe, si quid erit contra leges imperii decretum, aut de jure maiestatis deminutum, aut de praediis ad Rempublicam pertinentibus usurpatum“ (стр. 139).

[3]) См. выше, стр. 250.

[4]) См. выше, стр. 253.

[5]) См. ниже, стр. 265.

[6]) De republica, Lib. VI cap. V: „Hinc proverbium vulgi sermonibus contritum, Regem Francorum immortalem esse: ut planum sit

этомъ сказывается политическая тенденція Бодена, благопріятная абсолютизму—законъ, по его мнѣнію, обладаетъ, по сравненію съ обычаемъ, преимущественной силой. Обычай отмѣняется закономъ, законъ не можетъ быть отмѣненъ обычаемъ. Отсюда—логически-правильный выводъ: законы и обычаи зависятъ отъ воли и усмотрѣнія тѣхъ, кто пользуется въ республикѣ верховною властью [1]).

Но, въ такомъ случаѣ, „законы имперіи“ не могутъ ограничивать суверена?!..

Стремясь, во что бы то ни стало, примирить средневѣковую традицію ограниченности власти съ радикальной новизной абсолютизма, Боденъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою: въ его системѣ категорій основныхъ законовъ не оказывается мѣста [2]).

Какъ бы то ни было, ограниченность верховной власти объективнымъ правопорядкомъ—основное положеніе теоріи Бодена.

Ограничена ли, однако, эта власть субъективными публичными правами, неотъемлемо принадлежащими гражданину? Само собою разумѣется, что, примѣнительно къ разсматриваемой теоріи, рѣчь можетъ идти исключительно о субъективныхъ естественныхъ правахъ гражданина: поло-

---

more a maioribus accepto reges Francorum nasci, ac proximo cuique regiae stirpis sceptra deberi, non Senatui populove, multo minus Romanorum aut Rhemorum Pontificibus accepta ferri (стр. 1137); ibid.: „Fulco respondit, se regem Carolum selegisse more a maioribus accepto, qui reges non nisi a stirpe regum quaerere consuessent (стр. 1136). Срв. ib., стр. 1134 и др.

[1]) Ibid., Lib. I, cap. X: «Legum etiam vis multo maior et quam morum. Nam legibus mores antiquantur; leges moribus non item.... denique consuetudo precariam vim habet, et quamdiu principis arbitrio videbitur; at si consuetudini sanctionem subiiciat, legem efficit. Ex quo perspicitur, leges ac mores ab eorum, qui summam in Republica potestatem habent, arbitrio ac voluntate pendere (стр. 242).

[2]) Срв. Duning, ст. въ Political Science Quarterly, v. XI № 1 стр. 91, M. Landmann, Der Souveränitätsbegriff bei den Französischen Theoretikern, стр. 54 и сл.

жительныя, основанныя на законѣ, права не могутъ служить ограниченіемъ суверенной власти.

Подъ естественной свободой Боденъ понимаетъ состояніе человѣка, не признающаго надъ собою ничьей, кромѣ безсмертнаго Бога, верховной власти; въ естественномъ состояніи человѣкъ управляется своимъ собственнымъ разумомъ (recta ratione), который per se ipsa никогда не отклоняется отъ божественной воли [1]).

Конечно, въ состояніи государственномъ—въ демократіяхъ точно такъ же, какъ и въ монархіяхъ—не можетъ быть мѣста естественной свободѣ, въ ея полномъ объемѣ [2]). Кое-чѣмъ изъ естественной свободы должны поступиться граждане для того, чтобы стало возможнымъ подчиненіе ихъ суверену [3]).

Но—значитъ—кое-что остается. По опредѣленію Бодена, est autem civis nihil aliud, quam liber homo, qui summae alterius potestati obligatur [4]).

Казалось бы ограниченность суверенной власти естественной свободой, неприкосновенной и неотъемлемой, является логически необходимымъ слѣдствіемъ основныхъ предпосылокъ теоріи Бодена. И тѣмъ не менѣе, его ученіе о сенье-

---

[1]) De republica, Lib. I cap. III: „Est enim naturalis libertas huiusmodi, ut animus bene a natura informatus, imperium alterius, post Deum immortalem reiiciat,' praeterquam sui ipsius, id est, rectae rationis, quae a divina voluntate per se ipsa nunquam aberrat (стр. 22). Срв. Lib. II cap. II: «Nam ante Nimerodi aetatem, aequa erat omnium libertas; primus hic dominatum arripuit (стр. 296).

[2]) Ibid., Lib. VI cap. IV: „Quod si naturae libertas, quam populares isti tantopere praedicant, in democratia locum haberet, certe nec legibus ipsis relinqueretur, nec magistratibus imperandi prohibendique locus; at nusquam in monarchia, nusquam in aristocratia tot ac tam multi sunt magistratus, quod in democratia videmus (стр. 1085).

[3]) Ibid., Lib. I cap. VI: „....quia tametsi domesticis imperiis obligantur, ac libertas eorum (i. e. uxoris et liberorum) potestate domestica deminuat, cives tamen sunt, ita quoque civibus omnibus aliquod de libertate naturali detrahitur, ut summae alterius potestati subiiciantur (стр. 73).

[4]) Ibid. (стр. 71).

ріальної монархіи (dominatus) стоитъ въ непримиримомъ противорѣчіи съ самымъ понятіемъ естественныхъ правъ. Боденъ различаетъ три формы правленія одного лица,—сеньеріальную монархію (dominatus), королевскую или законную монархію и тиранію. Первая имѣетъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда глава государства, являясь собственникомъ (dominus) свободы и имущества гражданъ, управляетъ ими, какъ глава семьи своими рабами. Въ отличіе отъ тирана, dominus ограниченъ или связанъ объективнымъ правопорядкомъ,—божественнымъ и естественнымъ правомъ; подобно тирану, онъ не связанъ субъективными естественными правами—свободой и собственностью гражданъ [1]). Въ сеньеріальной монархіи, какъ и въ тираніи, гражданинъ—не liber homo, а рабъ; и тѣмъ не менѣе, въ отличіе отъ тираніи, сеньеріальная монархія является, по мнѣнію Бодена, вполнѣ и безусловно правомѣрнымъ государственнымъ строемъ [2]).

Ограниченность суверенной власти свободой и собственностью гражданъ, не будучи, такимъ образомъ, существеннымъ моментомъ (essentiale), является, однако, по мнѣнію Бодена, естественнымъ моментомъ (naturale) въ понятіи правомѣрнаго государства. Боденъ утверждаетъ, что въ предѣлахъ Европы, за исключеніемъ Турціи и Московскаго государства, сеньеріальныхъ монархій не существуетъ; нѣтъ такихъ властителей, которые считали бы себя собственниками имущества и личности гражданъ [3]). Въ королевской же, или законной, монархіи подданные, обладая свободой и пользуясь неприкосновенностью собственности, подчиняются законамъ своего суверена, подчиненнаго, въ свою очередь, законамъ божества и природы [4]). Такимъ образомъ,—по крайней мѣрѣ, примѣ-

[1]) Ibid., Lib. II cap. II: „Dominatus vero dicitur, cum Princeps unus, libertatis ac fortunarum omnium dominus, jure belli factus aut foedere, subditos quasi paterfamilias servos, moderatur. — Tyrannis denique, imperiose spretis gentium ac naturae legibus, subditorum bonis ac libertate ad libidinem abutatur (стр. 295).

[2]) Ibid., стр. 297 и сл.

[3]) Ibid., Lib. II cap. II (стр. 298).

[4]) Ibid.: „Est igitur Monarchia regalis in qua subditi libertate ac do-

нительно къ королевской монархіи—Боденъ признаетъ ограниченность суверенной власти свободой и собственностью гражданъ.

Изъ двухъ понятій—свободы и собственности, первое остается для Бодена пустымъ и безсодержательнымъ звукомъ. На всемъ протяженіи „Республики“ мы не встрѣчаемъ ни единой попытки опредѣлить содержаніе гражданской свободы, указать тѣ права гражданина, которыя не могутъ быть отняты у него суверенною властью. Одинъ изъ немногихъ въ XVI вѣкѣ заступниковъ вѣротерпимости, Боденъ возстаетъ противъ религіозныхъ гоненій не потому, что свобода исповѣданія вѣры—естественное право человѣка, а потому, что религіозныя гоненія ведутъ къ революціоннымъ потрясеніямъ, къ разложенію государства [1]). Представленіе о свободѣ мысли и слова органически чуждо, непонятно Бодену: политически-мудрымъ считаетъ Боденъ категорическое воспрещеніе какихъ бы то ни было преній и рѣчей, касающихся политическихъ и религіозныхъ вопросовъ [2]).

---

minio rerum fruentes, sui principis legibus obsequuntur. perinde ut Princeps ipse divinis ac naturae imperiis obtemperandus iudicat (стр. 295).

[1]) Ibid., Lib. IV cap. VII: Боденъ съ полнымъ сочувствіемъ цитируетъ слова Теодорика: Religionem imperare non possumus, quia nemo cogitur et credat invitus (стр. 758). Принужденіе въ дѣлахъ религіи онъ считаетъ безцѣльнымъ: cum ea sit in hominibus insita vis ac natura, ut aliquid assentiendum, sponte duci velit, cogi nolit (стр. 755). И, наконецъ, такое принужденіе неизбѣжно приводитъ къ междуусобіямъ: „Postremo si quam ex omnibus probaveris opinionem, sequi et armis defendere necesse habeas, etiam adversus parentes, uxores, liberos arma capere, eosque quos tueri debeas, si contrariam sectam sequantur, necare licebit“ (стр. 760). Срв. также Lib. III cap. VII (стр. 538 и сл.).

[2]) Въ высшей степени характерно для разсматриваемой эпохи мнѣніе Бодена о зловредности разсужденій и преній по религіознымъ вопросамъ. См. Lib. IV cap. VII: „Quid autem ab impietate propius abest, quam leges divinas, quarum sempiterna sit natura et quae omnium animis ac mentibus assensione certissima haerere debeant, probabilibus argumentis in dubium revocare? Nihil est enim tam firmum ac stabile, quod argumentorum vi subverti non possit: at rerum divinarum disciplina non in demonstrationibus aut perspicuis rationibus, sed in assensione

Въ сущности, изъ всѣхъ, вообще, политическихъ правъ одно только право собственности находитъ въ лицѣ Бодена убѣжденнаго и горячаго апологета. По его мнѣнію, неприкосновенность частной собственности санкціонируется божественнымъ закономъ [1]); монархъ не долженъ преступать границъ, поставленныхъ его власти самимъ богомъ [2]). Собственность гражданъ не принадлежитъ монарху: ad reges potestas omnium pertinet, ad singulos proprietas; omnia rex imprerii possidet, singuli dominio [3]). Даже самый безчестный тиранъ не считаетъ себя въ правѣ посягать на имущество гражданъ [4]).

Неприкосновенность собственности ограничиваетъ суверенную власть. Отсюда — отрицательное отношеніе Бодена къ налогамъ, взимаемымъ съ имущества гражданъ. Въ ряду источниковъ государственныхъ доходовъ налогамъ Боденъ

---

sola versatur. Et qui demonstrationibus ac libris pervulgatis id consequi se posse putant, non modi illi cum ratione iusaniunt, sed omnium religionum fundamenta labefactant.... Quod si philosophi ac mathematici suarum disciplinarum principia in desputationem revocari non patiuntur, quae dementia est de religionibus non modo privatim sed etiam publice disputare velle?.. Quare prudenter Orientis et Africae populi ipsique Hispaniarum reges religionibus disserere sanctissime prohibuerunt. Et cum Moschoviae populi varie de religionibus sentirent ac seditiosis contionibus in sectas distraherentur, rex Moschovitarum ne quis de religione dissererit capitali poena sanxit.... Cum igitur de rebus divinis disputationes non tantum dubitationem ac religionum interitum, verumetiam Rerum publicarum eversionem afferant, eas profecte sanctissimis legibus prohiberi oportet (стр. 752 и сл.). О свободѣ слова, вообще, см. Ibid. (стр. 764 и сл.).

[1]) Ibid., Lib. I cap. VIII: „Quid enim sanctius divina lege prohibetur, quam aliorum opes ac bona diripere? Quid saepius repetitum legimus, quam a rebus alienis manus habere continentes? at etiam, ne quid alieni concupiamus, sacratissimo decalogo prohibemur (стр. 160).

[2]) Ibid.: Quod si Principi non licet movere terminos, quos Deus opt. max. cuius ipse est imago vivens ac spirans sempiternis naturae legibus pepigit; neque certe licebit, alteri detrahere quod suum est, sive iusta ratione, sive coemtione.... (стр. 161).

[3]) Ibid. (стр. 163).

[4]) Ibid.: „....cum nemo sit tam impropus tyrannus, qui aliena bona diripere sibi fas esse putet....“ (стр. 142).

ствoдитъ послѣднее мѣсто. Важнѣйшимъ источникомъ доходовъ являются государственные домены; затѣмъ, военная добыча, — добровольныя приношенія, — налоги и пошлины, взимаемые съ союзниковъ,—вывозныя и ввозныя пошлины— доходы отъ торговой дѣятельности самого суверена,—и, наконецъ, если другіе источники доходовъ недостаточны, налоги, взимаемые съ подданныхъ [1]). Что касается послѣднихъ, то, по общему правилу, они могутъ быть взимаемы не иначе, какъ съ согласія чиновъ [2]). Предоставляемые суверену чинами, налоги пріобрѣтаютъ характеръ добровольныхъ приношеній и потому не стоятъ въ противорѣчіи съ началомъ неприкосновенности собственности гражданъ. Признавая за представительными собраніями, вообще, исключительно совѣщательный характеръ, Боденъ въ вопросахъ, касающихся налоговъ, признаетъ за ними рѣшающій голосъ. И только въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, для спасенія государства, при невозможности созыва чиновъ, допустимо установленіе налоговъ, безъ предварительнаго испрошенія согласія народа [3]).

§ 3.

Почему суверенитетъ неотдѣлимъ отъ государственной власти,—и, въ частности, почему въ монархическихъ государствахъ суверенитетъ всегда и необходимо принадлежитъ монарху?

---

[1]) Ibid., Lib. VI cap. II (стр. 998 и сл.).

[2]) Ibid., Lib. I cap. VIII: „...At obiici potest tributa temeraria nec apud Anglos nec apud Hispanos imperari nec imperata solvi, nisi ordinum consensu id fiat: idque Eduardi I regis Anglorum, veteri lege cavetur, qua populus adversus Principem quasi clypeo quodam se tueri saepe visus est. Ego vero caeteris Regibus non plus in eo genere, quam Regibus Anglorum licere puto“ (стр. 142).

[3]) Ibid.: „....si tamen urget Reipublicae necessitas, quod non patiatur comitiorum vocationem haberi, non est expetenda consensio populi, cuius salus agitur, quae post Deum immortalem in Principis prudentia consistit“ (стр. 142).

Какъ извѣстно, доктрина позднѣйшей эпохи, т. е. доктрина естественнаго права,—опредѣляетъ природу государственной власти содержаніемъ договора подчиненія (pactum subjectionis) между народомъ, съ одной стороны, и носителемъ государственной власти, съ другой. Отчужденіе въ пользу монарха народомъ, по договору подчиненія, принадлежащей ему первоначально суверенной власти, — отчужденіе полное и безусловное, разсматривается въ доктринѣ естественнаго права, какъ единственный законный титулъ монархическаго суверенитета.

Вопреки мнѣнію Otto Gierke, идея договорнаго происхожденія власти играетъ въ теоріи Бодена совершенно второстепенную, служебную роль [1]).

Такъ, прежде всего, договоръ подчиненія отнюдь не единственный титулъ законной, суверенной власти. Частноправное господство надъ подданными, какъ надъ рабами, господство надъ ихъ свободой и собственностью—dominatus, въ отличіе отъ королевской (т. е. законной) монархіи (monarchia regalis)—разматривается Боденомъ, какъ первичная форма человѣческаго общенія [2]). И хотя основаніемъ такого господства является с и л а и, въ частности, завоеваніе,—по существу, оно должно быть признаваемо, подобно королевской монархіи, вполнѣ и безусловно правомѣрнымъ [3]).

[1]) Gierke, Johannes Althusius, 2 Aufl., S. 80.

[2]) Ibid., Lib. II cap. II: „Nam principio rerum omnium, quo societas hominum coalescere coepit, ac Reipublicae forma quaedam constitui, unius imperio ac dominatu omnia tenebantur. Fallit enim Aristoteles, qui aureum illud genus hominum, fabulis poetarum quam reipsa illustrius, Reges heroas suffragio creasse prodidit (стр. 296). Срв. Lib. I cap. VI: „Tunc plena illa et a natura cuique tributa libertas vivendi ut vellet, victis omnino adempta fuit, ut ipsis quoque victoribus ab eo quem sibi ducem elegerant, quodammodo deminuta.... Inde prima servitutis ac subditorum, inde civium ac peregrinorum, principis ac tyranni origo. Eo nos ipsa ratio deducit, imperia scilicet ac Respublicas vi primum coaluisse (стр. 72).

[3]) Ibid. Lib. II, cap. II: „Ac certe non debet unius dominatus tyrannidis appelatione foedari. Neque enim iniquum est, ut qui hostes justo ac legitimo bello fregerit ac domuerit, personarum ac rerum dominus sit

Договоръ подчиненія, — одинъ изъ многочисленныхъ и разнообразныхъ законныхъ титуловъ государственной власти. Вѣрный духу средневѣковой доктрины, Боденъ признаетъ обязательную силу договоровъ, заключаемыхъ сувереномъ съ другими властителями и съ народомъ [1]). Но, именно, потому, что договоръ обязателенъ для суверена, послѣдній не можетъ и не долженъ вступать въ договоры, ограничивающіе его власть. Властитель, ограниченный договоромъ, не является сувереномъ [2]). Такимъ образомъ, не природой договора подчиненія опредѣляется природа государственной власти, а наоборотъ: именно потому, что государственная власть, по своей природѣ, суверенна, договоръ подчиненія не можетъ быть чѣмъ-либо инымъ, какъ безусловнымъ и

(стр. 297). И далѣе: „Sed cum ea sit hominum seu vis seu innata cupiditas, ut in otio ac tranquillitate diu vivi non possit, et identidem bella gerantur, magnam partem iuiuste illata, nonne aequum est, eos qui aliis iniquum bellum inferant, victos, vel rerum suarum damno, vel morte, vel serivitute coerceri? Haec justa dominandi lex est, dum tamen crudelitate abstineatur, et quidem sacris legibus comprobata (стр. 301).

[1]) Боденъ отличаетъ договоры отъ односторонихъ, хотя бы и клятвенныхъ, обѣщаній суверена. Только договоры обязываютъ; срв. Lib. I cap. VIII: „At si Princeps alteri Principi iureiurando leges a se vel a maioribus latas non violaturum se promisserit, obligatus tenetur, si quid alterius principis interest; si nihil est, quod alterius Principis intersit, ne ipse quidem qui iuravit, obligatur.... Quod antea diximus, iuratos Principes iis pactis, quae cum aliis Principibus, aut subditis fecerint, si iusta sint, obligari; non ideo id fit quod iurati sunt, aut quia suis legibus obligantur; sed quia iustis conventionibus quisque tenetur, si quid alterius intersit, sive iuratus sive iniuratus sit (стр. 135). Съ другой стороны, Боденъ отличаетъ договоры отъ законовъ. Законы не обязательны для суверена; договоры обязательны; срв. Ibid., „Non est igitur conventionum ac legum perturbanda ratio; cum lex ab eius voluntate pendeat, qui summam in Republica potestatem adeptus est, et qui sua lege subditos omnes tenere, ipse vero teneri non potest; at conventio inter cives ac Principem, mutuam habet obligationem, a qua discedi sine mutuo consensu non potest (стр. 137).

[2]) Ibid.: „Quanquam Principes bene a doctrina informati, nullo sese iurisiurandi vinculo patiuntur obligari, cum ne legibus agitur, aut certe summum Reipublicae imperium non habeat (стр. 137).

полнымъ отчужденіемъ власти, — translatio, а не concessio potestatis [1]).

Суверенитетъ государственной власти выводится Боденомъ изъ самаго существа, изъ понятія государства. Государство создается не сознательнымъ актомъ человѣческой воли, а исторически-необходимой эволюціей общественной жизни. Въ длинномъ восходящемъ ряду вырастающихъ другъ изъ друга общественныхъ союзовъ, государство является послѣднимъ, наболѣе универсальнымъ союзомъ, завершающимъ общественную жизнь [2]). По знаменитому опредѣленію Бодена, государство—совокупность семействъ, объединенныхъ подчиненіемъ верховной государственной власти [3]). Верховность государственной власти—essentiale въ понятіи государства. Государственная власть должна быть верховной (т. е. суверенной) потому, что неверховная власть не будетъ государственной властью, вообще. Поскольку государственная власть принадлежитъ народу, ея суверенность—внѣ всякаго спора: но точно также не можетъ не быть суверенной и власть оптиматовъ или монарха, поскольку оптиматамъ или монарху

[1]) Допуская безусловное отчужденіе суверенитета народомъ (donatio), Боденъ становится въ противорѣчіе съ принципомъ неотчуждаемости суверенитета, категорически имъ признаннымъ. См. Landmann, Der Souveränitätsbegriff bei den französischen Theoretikern, стр. 63.

[2]) De republica, Lib III cap VII: „Licet autem contrahere totum genus humanum gradatim ad Respublicas, imperii finibus ac maiestati divisas; ab his ad universitates, deinde ad corpora, tum ad collegia, postremo ad familias, ab his ad singulos: ut haec non multo magis inter se quam partes a toto differre videantur. Omnium vero civilium societatum origines a familia derivantur, quae ipsa naturalis est societas et ab ipso naturae parente principio generis humani fundata (стр. 511).

[3]) De republica, Lib. I cap. 1: „Respublica est familiarum rerumque inter ipsas communium summa potestate ac ratione moderata multitudo (стр. 1); ibid., Lib I cap. II: Diximus Rempublicam esse legitimam plurium familiarum et earum rerum quae illis communes sunt, cum summa potestate gubernationem (стр. 13); ibid.: „....Respublica sine summa potestate, quae omnia civitatis membra familiasque singulas in unum corpus cogit, consistere nullo modo potest ....quia nec in personis, nec in moenibus civitas subsistit, sed in civium omnium coetu sub ejusdem imperii summa potestate (стр. 15). Срв. также Lib. I. cap. VIII (стр. 123).

принадлежитъ государственная власть. Нелязя не согласиться съ Фурнолемъ, что ученію о суверенитетѣ Бодена присуща нѣкоторая какъ бы религіозная догматичность. Менѣе всего заботится Боденъ о теоретическомъ обоснованіи суверенитета. Разъ дано государство, — вмѣстѣ съ нимъ необходимо дана суверенная государственная власть [1]). Поэтому договоръ подчиненія отожествляется Боденомъ съ дареніемъ гражданскаго права, и, такъ какъ дареніе, по самому существу своему, не терпитъ условій и оговорокъ, государственная власть, отчужденная въ пользу монарха (или оптиматовъ) народомъ, — отчужденная безусловно и безсрочно, является суверенной, т. е. независимой властью [2]).

§ 4.

Суверенная власть—не абсолютна. Возвышаясь надъ „обыкновеннымъ", т. е. законодательнымъ правомъ (ordinarium jus), она подчиняется божественному праву и праву природы.

Вопросъ, слѣдовательно, заключается въ томъ, допускаетъ ли теорія Бодена существованіе гарантій, обезпечивающихъ правомѣрный характеръ суверенной власти?

Политической доктринѣ, возникающей на почвѣ средневѣковой традиціи, извѣстны двоякаго рода гарантіи противъ деспотическаго правленія суверена. Мы имѣемъ въ виду, во-первыхъ, ученіе о, такъ называемой, смѣшанной формѣ правленія,—конституціонную доктрину сословно-монархическаго

[1]) См. цитату у Н. Болдырева, н. ст., стр. 77.

[2]) Ibid., Lib. I cap. VIII: „....quia populus sua se sponte imperio spoliavit, ut alteri omnia iura maiestatis sine conditione donaret, perinde ut si quis pura donatione rei suae dominium ac possessionem tradidisset: tunc enim perfecta donatio conditiones nullas capit (стр. 128).... ....Nam populus summum perpetuumque imperium in cives ac vitae necisque potestatem, legibus omnibus solutam, utri ex civibus tribuere potest, ut quemcumque volet imperii successorem designare possit: et quemadmodum suae quisque rei moderator et arbiter pure donare potest, non alia quam liberalitatis subiecta causa; quae quod ita confecta est, ut nullam postea conditionem capit, vera propriaque acceptione, donatio appellatur. Caeterae donationes quibus innexa est implexaque alia causa conditione, donationes non sunt (стр. 129).

строя [1]) и, во-вторыхъ, ученіе о правѣ народнаго возстанія противъ тираническої власти,—революціонную доктрину „безгосударственнаго", „анархическаго" средневѣковья [1]).

Огромное—не только теоретическое, но и практическое значеніе „Республики" Бодена заключается, именно, въ томъ, что ею категорически и безусловно отвергаются средневѣковыя гарантіи, несовмѣстимыя съ политическимъ строемъ новаго, возникающаго на развалинахъ средневѣковья, суверенная государства.

И, прежде всего, отвергается Боденомъ, такъ называемая, смѣшанная форма госуд. устройства. Суверенитетъ нераздѣленъ. Поэтому онъ можетъ принадлежать либо монарху, либо оптиматамъ, либо народу; монарху, оптиматамъ и народу онъ принадлежать не можетъ [2]). Тѣ формы госуд. устройства, которыя обыкновенно считаются смѣшанными, являются, въ дѣйствительности, простыми [3]). Не только воплотить въ жизнь, но даже представить себѣ смѣшанної формы невозможно [4]). Во всякомъ случаѣ, подобная форма являлась бы формоії анархіи, а не государственнаго устроїства: anarchia, non respublica fuerit, tyrannide crudelissima deterior [5]).

Ошибка теоріи, допускающихъ смѣшанную форму правленія, заключается въ томъ, что форму государственнаго устроїства (Status reipublicae) они не отличаютъ отъ формы

[1]) Gierke. Das deutsche Genossenschaftsrecht Bd. III, стр. 563 и сл.; Treumann, Die Monarchomachen (1895), стр. 41 и сл.

[2]) De republica. Lib. II, cap. I: „Nam si maiestas per se ipsa quiddam est individum, qua ratione uni et omnibus eodem momento congruere possit"? (стр. 275).

[3]) Такъ, напримѣръ, Лакедемонъ, по мнѣнію Бодена,—аристократическое государство; консульскій Римъ—демократія; Франція—чистая монархія: Ibid. (стр. 274 и сл.).

[4]) Ibid. „Sed qui unius dominatum cum paucis simul et universis constituere velit, non possit, ac ne mentis quidem cogitatione id consequi" (стр. 275).

[5]) Ibid. Срв. ib., стр. 288: „Quarum igitur civitatum divisa sunt iura maiestatis, minime omnium Respublicas, sed Rerumpublicarum corruptiones appelare oportet".

или способа управленія (ratio gubernandi) государствомъ. По формѣ своего устроїйства, государство не можетъ не быть простымъ. Въ монархіи суверенитетъ принадлежитъ монарху,—и только ему. Но, по способу управленія, монархія можетъ быть демократической или аристократической, въ зависимости отъ того, допускается ли монархомъ къ участію въ осуществленіи власти весь народъ, или его аристократическое меньинство; монархія можетъ быть смѣшанной, аристократическоіі и демократической, если оптиматамъ и народу предоставляется извѣстная доля участія въ осуществленіи государственноіі власти [1]).

Традиціоналистъ по своимъ убѣжденіямъ и вкусамъ, Боденъ, именно, такую „гармоническую“ форму правленія (harmonica gubernandi forma),—монархію, умѣряемую участіемъ въ управленіи демократическихъ и аристократическихъ элементовъ—считаетъ наиболѣе совершенноі [2]). Въ частности, онъ является горячимъ и убѣжденнымъ защитникомъ Генеральныхъ Штатовъ [3]).

[1]) Ibid. Lib. II, cap. II: „Illud enim admonendi sumus, Reipublicae statum ab imperandi ratione distare plurimum... Nam Reipublicae status Regalis esse potest, gubernatio tamen popularis futura est, si Rex omnia imperia, sacerdotia, curationes, poenas item ac praemia omnibus ex aequo distribuat; si vero Princeps imperia, honores, magistratus, patritiis vel divitibus, vel fortibus, vel studiosis tantum impertiat, regia potestas erit, et quidem simplex ac pura, sed Aristocratica ratione temperata... quae diversitas eos in errorem impulit, qui Respublicas plures tribus, erroris opinione, sibi finxerunt. (стр. 295).

[2]) Ibid. Lib. VI, cap. VI: „Ex his quae hactenus de optimo civitatis genere disputata sunt, perspicuum fit regale civitatis genus quod proximo cuique totum quantuncumque est, obvenit, praestare quidem caeteris omnibus sed ad consummatam sui perfectionem harmonica iustitiae temperatione conglutinatum esse oportet, id est, populari quadam et optimatum similitudine moderatum quemadmodum monarchiae status quidem simplex, non concretus aut confusus, gubernandi tamen ratio triplici genere temperata dicetur“ (стр. 1168); ibid: „At v. harmonica gubernandi forma utrosque concentu suavissimo tuetur“ (стр. 1172).

[3]) См. Lemaire. Les lois fondamentales de la Monarchie française, Par., 1907, стр. 120 и сл.

Генеральные Штаты наиболѣе прочная и вѣрная опора монарха. Отъ нихъ ему легче всего получить и средства для казны и людей для войска. На собраніи членовъ наилучшимъ образомъ обсуждаются вопросы о народныхъ нуждахъ, о необходимыхъ законахъ; здѣсь узнаетъ властитель объ обидахъ, чинимыхъ сильными, о притѣсненіяхъ, испытываемыхъ народомъ, о всякихъ злоупотребленіяхъ, о вымогательствѣ и грабежѣ. Наиболѣе великъ властитель, окруженный благодарными и благоговѣющими предъ нимъ чинами! [1]).

Чѣмъ чаще собираются чины,—тѣмъ лучше. Съ одобреніемъ ссылается Боденъ на примѣръ Испаніи и Англіи, гдѣ народныя собранія имѣютъ мѣсто не рѣже, чѣмъ разъ въ три года [2]). Во Франціи, по его мнѣнію, гражданскіе законы не могутъ быть иначе измѣняемы и отмѣняемы, какъ въ собраніи трехъ сословій,—духовенства, дворянства и народа,—созванныхъ монархомъ [3]).

---

[1]) Ibid. Lib. III cap. VI: „Regia tamen potestas legibus ac institutis moderata, nihil corporibus et collegiis firmius aut stabilius habere potest. Nam si opibus, si pecuniis, si exercitu regi opus est, id omnium optime a collegiis et corporibus fieri solet. Quinetiam illi ipsi qui conventus, quos Hispani curias, Angli parlamenta vocant, aboleri cupiunt, urgentibus periculis, ad conventus, velut ad Sacram ancoram confugiunt, ut seipsos Remque publicam ab hostibus tueantur. Ubi enim melius de curandis Reipublicae morbis, de sanandis populis, de iubendis legibus, de statu conformando, quam apud principem, in Senatu, coram populo agi potest? Illic querelae tenuium, illic potentiorum iniuriae, illic furta, peculatus, sordes, quae saepius ignaro principe fiunt, explicantur; illic ordinis cuiusque rogationes exaudiuntur. Ac incredibile dictu est quanta gratulatione principem comitia habentem plebs intuetur! quam libenter concionantem audit! quam ab eo videri quisque gestit! quanti esse putat suas rogationes accipi qui etiam si repulsam multarum rerum patiatur, aequius tamen ac melius ferre solet, quam si eo ipso quod cupit a principe contemta fruatur (стр. 541). Срв. Ibid. Lib. II, cap. I: „An vero Pinceps ullus gloria maiore... cumulari potest, quam cum subditos omnium ordinum et aetatum, ex alto et sublimi solio se venerantes, ac humi procubentes, intuetur? Neque enim illa quae dicitur gloria in ipsius principis solitudine, sed in subditorum veneratione ac obedientia consistit (стр. 284).

[2]) Ibid. Lib. III cap. VII (стр. 541).

[3]) Ibid. Lib. I cap. VIII (стр. 139).

И тѣмъ не менѣе, Боденъ категорически и безусловно отвергаетъ всякую мысль о рѣшающей власти представительныхъ собраній. Въ монархіи нѣтъ и не можетъ быть такихъ учрежденій, согласіе которыхъ являлось бы необходимымъ для осуществленія законодательной власти монархомъ [1]). Существованіе сословныхъ чиновъ не противорѣчитъ суверенитету монарха, ибо чины эти не только во Франціи, но даже и въ Англіи имѣютъ совѣщательный, а не законодательный характеръ. Преступно мнѣніе, будто во Франціи Генеральные Штаты ограничиваютъ власть монарха; принадлежащее имъ право петиціи не только не отрицаетъ, но, напротивъ, торжественнымъ образомъ подтверждаетъ суверенитетъ монарха [2]).

[1]) Ibid. Lib. I cap. X: „Haec igitur primum ac praecipuum caput maiestatis legem universis ac singulis civibus dare posse; neque tamen id satis est, sed id fiat oportet sine superiorum aut aequalium aut inferiorum necessario consensu... si inferiorum, seu Senatu, seu populi, summo imperio vacare (стр. 240). Срв. Barclaii, l. c., Lib. p. 42: „...ego enim cum istos regi consiliarios adhibeo, nihil ejus libertati detractum volo, nullam ei parendi necessitatem impono: consiliis eum et auxiliis instruo quae Regem semper et dominum agnoscant et si cum pertinace ingenio conflictandum esse viderint, praecibus flectere, non minus frangere conentur“.

[2]) Ibid. Lib. I cap. VIII: „Atque in eo quidem Principis maiestas elucet, cum populi tribus et ordines humili habitu ad principem rogationes ferunt, nec ulla imperandi prohibendive, nec suffragiorum potestatem habent; sed princeps arbitrio suo ac voluntate omnia moderatur et quecunque decrevit ac iussit, ea legum vim habent... Neque nam ulla ratio probabilis adduci potest, cur subditi principibus imperent, aut popularibus comitiis ulla potestas tribui debeat, praeterquam in ipsius Principis infantia vel furore, vel captivitate... alioqui si Reges legibus comitiorum ac populi iussis teneantur, inanis est illorum potestas, inane regium nomen futurum: nec tamen sub tali Principe Respublica popularis esse potest, sed optimatum aut paucorum coetus, in quo leges ac edicta, non eius qui praeest, sed eorum qui aequa potestate suffragium habent, auctoritate ac nomine imperantur; qui tamen supplices tum universi tum singuli ad principem rogationes ferant, eique fidem ac obedientiam praestare se simulent; quae omnia tam absurda sunt, ut quid maxime non facile dici possit (стр. 139 и сл.).—Тотъ фактъ, что во Франціи генеральные чины законодательной власти не имѣютъ, для Бодена стоитъ внѣ вся-

Въ монархіи суверенная власть, ограниченная правомъ, не можетъ быть ограничена учрежденіями,—таково основное положеніе теоріи Бодена. Положеніе это является тѣмъ мостомъ, по которому политическая мысль легко и удобно переходитъ отъ „правового государства“ средневѣковья къ абсолютной монархіи новаго времени.

§ 5.

Ни въ чемъ, быть можетъ, не сказывается такъ отчетливо и ярко зависимость Бодена отъ средневѣковой традиціи, какъ въ вопросѣ о правѣ народа на революціонное сопротивленіе тираническої власти. Освященное авторитетомъ величайшаго схоластика, Ѳомы Аквинскаго, это право является безспорнымъ на всемъ протяженіи средневѣковья. И въ XVI вѣкѣ communis opinio doctorum признаетъ правомѣрность низложенія и даже убійства тирановъ.

каго спора: nulla magis regia fingi potest quam Francorum monarchia. Срв. Lib. II cap. I. (стр. 284); Lib. I cap. VIII (стр. 140). Гораздо сомнительнѣй обстоитъ дѣло съ Англіей. Съ одной стороны, и англійскій парламентъ, повидимому, лишенъ законодательной власти: iam vero conventus Anglorum nec admitti, nec dimitti possunt, nisi Principis edicto, perinde ut apud nos et Hispanos fieri solet, quod satis est argumenti, concilia ejusmodi nullam habere imperandi prohibendive potestatem. Но, съ другой стороны, hoc tamen singulare videri possit, quod leges populi rogatione, ac Principis iussu feruntur, non aliter quam populi comitiis abrogari possunt. Боденъ выходитъ изъ затрудненія, ссылаясь на практику англійскаго законодательствованія: id enim Dellus Anglorum in Gallia legatus mihi confirmavit, idem tamen confitetur, legem probari aut respui cousuevisse contra populi voluntatem, utcunque Principi placuerit. См. Lib. I cap. VIII (стр. 141 и сл.).—Не признавая за чинами законодательной власти, Боденъ предоставляетъ имъ, однако, рѣшающій голосъ при установленіи налоговъ, ибо насильственное взиманіе налоговъ является посягательствомъ противъ частной собственности подданныхъ. Однако, и въ этомъ отношеніи начало суверенитета государственной власти остается неприкосновеннымъ: si tamen urget Reipubl necessitas, quod non patiatur comitiorum vocationem haberi, non est expetenda consensio populi, cuius salus agitur, quae post Deum immortalem in Principis prudentia consistit. Срв. Lib. I, cap. VII. (l. c.).

И въ этомъ вопросѣ, какъ во многихъ другихъ, Боденъ уступаетъ традиціи; но, уступая ей, онъ стремится, однако, ввести ее въ опредѣленныя—по возможности, болѣе тѣсныя—границы, примирить старину съ новизною, расчистить путь побѣдоносно грядущему абсолютизму.

Боденъ признаетъ не только пассивное, но и активное сопротивленіе тиранніи вполнѣ правомѣрнымъ, — однако, правомѣрнымъ лишь постольку, поскольку оно совмѣстимо съ суверенитомъ государственной—и, въ частности, монархической власти.

Поэтому вполнѣ правомѣрно активное сопротивленіе властителю, не обладающему суверенитетомъ; въ народномъ или аристократическомъ государствѣ верховный магистратъ, тиранически осуществляющій свою власть, можетъ быть уничтоженъ, по мнѣнію Бодена, либо открытымъ мятежомъ (arg-ta vi), либо по приговору Сената (senatu iubente) [1]). Не менѣе правомѣрно сопротивленіе узурпатору,—тирану absque titulo, незаконно захватившему власть: въ отношеніи къ нему подданные не обязаны повиновеніемъ [2]). Наконецъ, и сопротивленіе суверену, злоупотребляющему своей властью,—тирану quoad exercitium, является правомѣрнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оно осуществляется не подданнымъ, а иностранцемъ: иностранецъ имѣетъ право уничтожить тирана, потому что обязанности повиновенія въ отношеніи къ нему онъ не несетъ [3]).

Совершенно иначе рѣшается Боденомъ вопросъ о сопротивленіи подданныхъ своему суверену.

---

[1]) Ibid., Lib. II cap. V: „Idem civi quoque licet in eum qui in popolari aut optimatum statu princeps est, nec tamen iura maiestatis habet.... si sua potestate ad civium caedes, stupra, rapinas abutentur, sive aperta vi, sive Senatu iubente id fiat.... (стр. 327].

[2]) Ibid.: „Hoc igitur fixum maneat, eum ab universis et singulis occidi licere, qui vel regi legitimo potestatem extorqueat, vel in popolari aut optimatum statu, pro socio principem se sua unius auctoritate ferat (стр. 323). Срв. Barclaii, l. c., cap. IV p. 268.

[3]) Ibid.: „Teneamus igitur illud, peregrino cuivis licere tyrannum, id est, omnium vocibus infamem ac suorum rapinis, caedibus et crudelitate nobilitatum, interficere (стр. 327).

Независимость отъ народа—существенный моментъ въ понятіи суверенитета. Будучи независимой, власть суверена, не отвѣтственна предъ народомъ. Конечно, велѣнія суверена, стоящія въ противорѣчіи съ божественнымъ и естественнымъ правомъ, неправномѣрны. Пассивное сопротивленіе этимъ велѣніямъ—не только право, но и обязанность гражданина [1]). Но народъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть судьей своего суверена; власть, которая, по какимъ бы то ни было основаніямъ, можетъ быть отнята народомъ, не является суверенной [2]). Отсюда—категорическое отрицаніе права на возстаніе подданныхъ противъ законной и суверенной, хотя бы тиранической, власти [3]). Какъ бы ни было жестоко и безчеловѣчно правленіе законнаго суверена, у подданныхъ нѣтъ и не можетъ быть права на активное сопротивленіе ему. Ибо власть суверена является высшею властью; законный монархъ, каковы бы ни были его преступленія, ни предъ кѣмъ не отвѣтственъ, кромѣ Бога. Не только убійство монарха, не только покушеніе на убійство,—самый умыселъ убійства является государственной измѣной [4]).

---

[1]) Ibid.: „....quantacunque tyrannide cives opprimere conetur, iussu quidem ipsius, quae cum divinis ac naturae legibus pugnant, repudiare quisque potest; ac prius magno animo ac forti mortem oppetere, quam pareas, si fuga saluti consulere non possis (стр. 332). Срв. Lib. III cap. IV (стр. 465).

[2]) По поводу присяги, которую приноситъ, вступая на престолъ, польскій король—ac siquidem (quod absit) sacramentum meum violavero, nullam nobis incolae regni obedientiam praestare tenebuntur — Боденъ, Lib. I cap. VII, замѣчаетъ: „Haec formula non regiam maiestatem, sed Principis (id est in Reipubl. primi) conditionem sapit.“ (стр. 139).

[3]) Ad. Franck, Réformateurs et publicistes de l'Europe, t. I, p. 434, извращаетъ теорію Бодена, сближая его съ монархомахами, какъ апологета тираноубійства.

[4]) Ibid., Lib. II cap. V: Quod si monarchia quaedam est summa, unius potestate constituta.... nec singulis civibus nec universis fas est summi principis vitam. famam aut fortunas in discrimen vocare, seu vi, seu iudicio constituto id fiat, etiamsi omni scelerum ac flagitiorum turpitudine infamis esset. Nam quod ad iudicium attinet, nulli magistratibus ac multo minus privatis in summum principem potestas est.... Subditis igitur principem iure rogare, aut in ius vocare, iudiciumve de vita, fama

Таковъ окончательный выводъ теоріи Бодена; въ отрицаніи права на возстаніе протизъ суверена—ея основное политическое значеніе. Современникъ жестокой, религіозной и политической, междуусобной войны, легистъ Боденъ, прежде всего и больше всего, желаетъ мира,—не только религіознаго, но и политическаго мира. Въ то время, какъ борющіяся партіи, одинаково ослѣпленныя ненавистью—гугеноты при Карлѣ IX, католики при Генрихѣ III и Генрихѣ IV,—провозглашаютъ священное право народа на возстаніе противъ тирановъ, Боденъ пытается отстоять незыблемость государственнаго порядка. Доктрина суверенитета государственной власти,—и, въ частности, монархическаго суверенитета, разсматривается имъ, какъ отрицаніе революціоннаго права народа на возстаніе противъ законной и суверенной власти.

§ 6.

Ненависть къ анархіи,—таково то основное настроеніе, изъ котораго выростаетъ „Республика“ Бодена; Anarchia tyrannide crudelissima deterior—таковъ символъ его политической вѣры [1]). Изъ всѣхъ формъ государственнаго устройства наихудшей является анархія,—pestifera anarchia, in qua nemo paret, nemo imperat, sed in summa scelerum omnium impunitate ac licentia vivitur [2]).

ac statu illius constituere, si nefas est, si denique nulla clienti in patronum, servo in dominum iurisdictio est, quonam modo manus intentare tyranno liceret? neque enim quantum quisque viribus ac ferro, sed quantum iure possit, quaeritur. At non solum is qui principem necavit perduellionis reus est, sed etiam is qui tentavit, qui opem consiliumve attulit, qui texit, qui voluit, qui cogitavit.... (стр. 328).

[1]) De republica, Lib. II cap. I (стр. 275).

[2]) Ibid., Lib. IV cap. VII (стр. 759); срв. ibid.: „Ut igitur morbi ac vulnera, ipsaeque animi aegritudines ac perturbationes, tum corporibus, tum mentibus noxiae sunt, ita quoque bella civilia Rebuspublicis ac civitatibus pestifera sunt ac perniciosa. Quod si quis putet tyrannis utilia esse, nae ille fallitur.“ (стр. 732); срв. Lib. II cap. IV (стр. 319); Lib. VI cap. IV (стр. 1063). Alberici Gentilis, Disputationes, p. 126: „Omnes seditiones sunt molestae, justae nonnullae, necesseriae nullae“; Ibid, p. 103: „Ipsa tyrannis tolerabilis prae anarchia“.

Единственное спасеніе отъ анархіи, по мнѣнію Бодена,— въ независимоії и твердоії, суверенноії монархической власти; изъ всѣхъ формъ правленія монархіи отдается Боденомъ рѣшительное и безусловное предпочтеніе.

Вѣрный сынъ аристократическаго XVI вѣка, Боденъ презираетъ народное правленіе,—правленіе безсмысленноії и распущенноії черни: omnium deterrima plebis impotentissimae potestas [1]). Народъ—id est, multorum capitum immanis quaedam hydra—неспособенъ къ осуществленію власти [2]). Даже тиранія предпочтительнѣе народнаго правленія [3]). Тотъ монархъ благоразуменъ, который plebis furentis animos ac licentiam quasi freno indomitam belluam coercet.

Боденъ не скрываетъ своихъ симпатіи къ аристократическому правленію: сама природа насъ учитъ тому, что государственная власть должна принадлежать достойнѣйшимъ; аристократія является правленіемъ достойнѣйшихъ,— т. е. добродѣтельныхъ и знатныхъ [4]). И если, тѣмъ не менѣе,

---

[1]) Ibid., Lib. VI cap. IV (стр. 1083).

[2]) Ibid., Lib. VI cap. IV: „Et quidem mirum delet videri si plebs imperia, id est, multorum capitum immanis quaedam hydra, rectam ullam sententiam ferat. Certe quidem ab imperita multitudine consilium rerum gerendarum petere, aliud nihil est, quam a furioso sanitatem.... ut tamen plebs imperita ac levissima quicquam quod rectum, quod honestum sit, decernere velit, aut possit, quis tam inops a prudentia, qui consilia civitatis sacratissima in vulgus manare putet oportere? num illud est sacra proculcare ac profanare? quamquam res sacrae si execratae fuerint, resecrari possunt, et profana expiari; arcana veri imperi pervulgari sive civitatis interitu, aut certe sine dedecore et contumelia non possunt (1087). Срв. Lib. II cap. VI: „Quod si populus ad haec ipsa virtutis suffragia cieri placeat, sui dissimiles, id est, optimos non seligent; sed quam maxime similes, id est, stultos, improbos, impudentes.... Quid autem turpius, quam sapientium decus ac dignitatem pendere ad insipientium iudicio dicam, ac temeritate?“ (стр. 340). Срв. Lib. II cap. VII (стр. 367).

[3]) Ibid., Lib. VI cap. IV: „....quaecumque tamen tyrannis videtur tolerabilior populi dominatu.“ (стр. 1116).

[4]) Ibid., Lib. VI cap. IV: „Illud etiam optimatum status caeteris laudabiliores et optabiliores facit, quod imperium dignissimo cuique tribui oportere natura ipsa docemur; dignitas autem ex virtute aut ex nobilitate exsistit: utrumvis dixeris, status optimatum futurus est (стр. 1101).

Боденъ предпочитаетъ аристократіи монархію, то это объясняется тѣмъ, что только монархія, по его мнѣнію, способна обезпечить государству и внѣшнее могущество и внутренній миръ. Аристократія не въ состояніи подчинить господству немногихъ завистливыя желанія огромнаго большинства. Она страдаетъ отъ внутреннихъ раздоровъ, и если побѣжденная партія переходитъ на сторону народа, разложеніе государства становится неизбѣжнымъ [1]).

По единогласному мнѣнію — по мнѣнію законодателей, историковъ, философовъ и теологовъ — монархія является наилучшею формоії государственнаго устроїства [2]). Она является наилучшей потому, что, сильная извнѣ, она защищаетъ народъ отъ иноземныхъ вторженіи; сильная внутри,— отъ ужасовъ и несчастіи гражданскоії войны [3]). Но для того, чтобы быть сильноії, монархія должна быть настоящеії,— т. е. суверенноії монархіеії. Верховная власть монарха не можетъ и не должна быть отчуждаема, ограничиваема, или уступаема ни оптиматамъ, ни народнымъ собраніямъ, ибо въ противномъ случаѣ, величество имперіи отдано будетъ

---

[1]) Ibid.: „....quid difficilius quam paucos optimates infinitam multitudinem ab honoribus et suffragiis interclutam imperio coercere? Ut enim plebs a potentioribus contemnitur: ita quoque adversus potentiores invidia flagrare consuevit: quo fit ut si optimates dissideant inter se, id quod necesse est, si artes imperatoris colant, cupidissimus quisque laudis ad plebem convertatur, ut frangat potentiorum opes.... In caeteris civitatibus optimates in tanta dissidentia vitam trahunt, ut nisi arces minutissimas habeant, a plebe tuti esse non possint (стр. 1104). Срв. Lib. IV cap. I (стр. 602 и сл.).

[2]) Ibid., Lib. VI cap. IV: „Quod igitur superius in optimo civitatis statu imperium summum unius esse oportere diximus, nec cum populo Patribusve communicandum: quod item legumlatores, historici, Philosophi, Theologi una voce regale civitatis genus omnium optimum et beatissimum iudicant“ (стр. 1114).

[3]) Ibid. (стр. 1111 и сл). См., между прочимъ, Lib. VI cap. IV in fine: „Amplissimis vero regni finibus subditis sub rege maximo beatius vivere constat, quo ab iniuriis finitimorum principum tutiores sunt et bellis civilibus, quae ab impotenti potentiorum cupididate oriuntur, vacant (стр. 1121). См. Lemaire, Les lois fondamentales de la monarchie française, Par., 1907, стр. 112.

въ жертву „зачумленной“ анархіи, или народной смутѣ [1]). Для того, чтобы монархія могла быть сильной, необходимо безусловное повиновеніе гражданъ. Жесточайшими карами должны быть караемы тѣ, кто возмутительными писаніями вооружаетъ подданныхъ противъ своихъ властителей [2]).

Въ суверенной монархической власти—спасеніе государства,—и въ частности, спасеніе Франціи отъ ужасовъ междуусобной смуты—таковъ политическій завѣтъ „Республики“ Бодена.

---

[1]) Ibid.: „At summa principis potestas optimatum populive coetibus nec subiugari, nec circumcidi, nec ulla sui parte communicari sine pernicie potest: alioqui maiestatem imperii vel in pestiferam anarchiam, vel in popularem perturbationem prolabi necesse est (стр. 1114).

[2]) Ibid., Lib. II cap. V: „Quae cum divinis et humanis legibus perspicua sint, argumenta contraria refellere, hominis est et litoris abutentis et otio. Quaeadmodum igitur eos, qui an Deus sit necne dubitant, non argumentis, sed poenis acerbissimis refellere oportet: ita quoque statuendum est in eos, qui pernitiosissimis scriptis subditos in principes armare consueverunt (стр. 331).

IV

Политическая доктрина монархомаховъ.

§ 1.

Напрасно бы мы стали искать въ политическихъ произведеніяхъ монархомаховъ,—въ памфлетахъ, продиктованныхъ злобою дня, теоретическихъ опредѣленіи понятія суверенитета. Такое опредѣленіе приходится выводить изъ общей системы ихъ политическихъ воззрѣній.

Какъ уже указано выше, у Бодена мы встрѣчаемся съ двоякимъ пониманіемъ суверенитета. Съ одной стороны, суверенитетъ—опредѣленное свойство государственной власти, ея верховный характеръ. Съ другой, суверенитетъ—синонимическое обозначеніе государственной власти, вообще,—совокупности опредѣленныхъ, ея образующихъ, полномочій или функцій господства. Доказывая, что въ монархическихъ государствахъ суверенитетъ принадлежитъ монарху, Боденъ, тѣмъ самымъ, стремится доказать, во-первыхъ, что власть монарха является высшею властью, независимой въ международныхъ и внутреннихъ отношеніяхъ; и, во-вторыхъ, что монарху, и только монарху, принадлежатъ, такъ называемыя, права верховенства, — право изданія законовъ, объявленія войны и мира, назначенія должностныхъ лицъ и т. д., и т. д.

Въ ученіи монархомаховъ послѣднему значенію суверенитета не можетъ быть мѣста. Во всякомъ государствѣ, какова бы ни была форма его правленія, суверенитетъ, по ихъ

мнѣнію, принадлежитъ народу; значитъ ли это, однако, что народъ непосредственно осуществляетъ права верховенства,— издаетъ законы, объявляетъ войну и миръ, назначаетъ должностныхъ лицъ и т. под.? Конечно, нѣтъ. Монархомахи признаютъ, что, по договору подчиненія, народъ уступаетъ, или, по крайней мѣрѣ, можетъ уступить первоначально принадлежащую ему государственную власть опредѣленному лицу, т. е. монарху, или коллегіи лицъ,— т. е. оптиматамъ, или монарху и оптиматамъ совмѣстно. Но, уступая осуществленіе власти, народъ оставляетъ суверенитетъ за собою. Въ то время какъ, по ученію Бодена, суверенитетъ не отдѣлимъ отъ государственной власти, отдѣлимость отъ государственной власти суверенитета составляетъ основное начало теоріи монархомаховъ. Государственная власть принадлежитъ, по договору подчиненія, монарху,—одному монарху, или совмѣстно съ другими, независимыми отъ него, должностными лицами государства. Суверенитетъ остается всегда и необходимо въ рукахъ народа. Само собою понятно, что при такихъ условіяхъ суверенитетъ не означаетъ и не можетъ означать совокупности опредѣленныхъ полномочій, или функцій господства.

Остается, такимъ образомъ, первое, — впрочемъ, и, по Бодену, наиболѣе важное, наиболѣе существенное и основное-- значеніе суверенитета: суверенитетъ—опредѣленное свойство государственной власти, ея верховный характеръ. Политическая проблема, интересующая монархомаховъ, гласитъ: „Reipublicae an Regis maior potestas sit?“ [1]). И эта проблема рѣшается монархомахами въ пользу народа: populus universus Rege potior est [2]). Государственная власть принадлежитъ монарху; отдѣльныя функціи этой власти осуществляются либо непосредственно монархомъ, либо монархомъ при участіи генеральныхъ штатовъ, или иныхъ должностныхъ лицъ государства. Но какова бы ни была власть монарха, надъ нею всегда и необходимо возвышается власть народа. Монархъ

[1]) Mariana, De rege et regis institutione, cap. IIX, стр. 68 и сл.
[2]) Junius Brutus, Vindiciae contra tyrannos, Quaestio III, стр. 62.

не можетъ быть сувереномъ потому, что онъ зависитъ отъ народа. „Истинное величество“—vera majestas—принадлежитъ суверену—народу.

Изъ всѣхъ, вообще, монархомаховъ одинъ только Альтузіи останавливается на теоретическомъ выясненіи понятія суверенитета. При этомъ, однако, оказывается, что и въ этомъ вопросѣ никакихъ оригинальныхъ идей ученіе Альтузія не содержитъ; въ сущности, оно воспроизводитъ Боденовское ученіе о суверенитетѣ.

Правда, Альтузіи полемизируетъ съ Боденомъ. Опредѣленіе суверенитета, даваемое Боденомъ--summa et perpetua potestas, nec lege neque tempore definita,—является, по мнѣнію Альтузія, несостоятельнымъ потому, что суверенная власть подчиненная божественному и естественному праву, не можетъ быть признаваема верховною властью; и точно также она не можетъ быть признаваема надзаконною властью (legibus soluta), ибо даже гражданскій законъ (jus civile) обязателенъ для суверена, поскольку въ его предписаніяхъ содержатся неизмѣнныя начала божественной и естественной справедливости [1]).

Не трудно замѣтить, что критика Альтузія бьетъ мимо поставленной ей цѣли. Подобно Альтузію, Боденъ признаетъ

---

[1]) Althusii Politica, ed. III, cap. IX §§ 20—21: „Ego in eo, quo Bodinus haec sensu accipit, nullum horum requisitum genuinum in jure hoc majestatis agnosco. Non nam est summa potestas, non perpetua, neque lege soluta. Summa non est quia legem divinam naturalemque superiorem agnoscit omnis humana potestas... In quo quidem nec Bodinus a nobis dissentit... Quaestio igitur nobis est de civili lege et iure, an huic etiam imperium et fasces subjiciat, qui summam dicitur habere potestatem. Negat Bodinus et plurimi alii cum eodem. Erit igitur ex horum sententia summa potestas, quae civili lege non est definita, sed illa soluta; quod ego non dixerim. Nam lege civili potestatem solvere, est etiam aliquatenus naturalis et divinae legis vinculis eandem exuere. Nulla enim est, nec esse potest, lex civilis, quae non aliquid naturalis et divinae aequitatis immutabilis habeat admistum ..... Quatenus vero lex illa civilis in quibusdam discedit a naturali aequitate, fatebor eum qui summam habet potestatem, illa legi non teneri“. Срв. также Danaeus, l. c., lib VI, c. III (стр. 406 и сл.).

ограниченность суверена божественнымъ и естественнымъ правомъ [1]). И Боденъ не сомнѣвается въ томъ, что дѣянія, воспрещенныя гражданскимъ закономъ,--напримѣръ, убійство или грабежъ,—воспрещены суверену, если эти дѣянія противорѣчатъ предписаніямъ естественнаго права или велѣніямъ божества.

Съ этими оговорками—оговорками самого Бодена—Альтузій принимаетъ Боденовское опредѣленіе суверенитета [2]). Суверенитетъ означаетъ независимость государственной власти отъ какой бы то ни было иной, стоящей надъ или рядомъ съ нею. Народъ является сувереномъ потому, что онъ не признаетъ надъ собою ничьей, кромѣ Бога, верховной власти [3]).

§ 2.

Почему суверенитетъ всегда и необходимо принадлежитъ народу?.

Оставляя въ сторонѣ теологическіе аргументы, приводимые монархомахами въ защиту народнаго суверенитета,—аргументы, основанные на искусственномъ и произвольномъ толкованіи библейскихъ текстовъ, необходимо, въ ряду аргументовъ раціоналистическаго порядка, остановиться на двухъ, наиболѣе существенныхъ и важныхъ.

---

[1]) См. выше, стр. 253.

[2]) Althusii Politica, cap. IX § 22: Atque in hoc sensu accepta lege soluta summa potestate concedo in sententiam Bodini, Gregorii Tholosani, Cujacii, Donelli, Duareni et aliorum Iltorum.

[3]) Ibid., cap IX § 15: „Ideo potestas imperandi universalis dicitur, quae aliam superiorem, vel parem, aut sociam non agnoscit... Atque hoc supremum jurisdictionis universalis jus, est forma et substantialis essentia majestatis seu majoris illius status, quem diximus, quo sublato vel adempto majestas illa concidit". Срв. Ibid., cap. IX § 22: „Quis vero summam dicit potestatem, quae superiorem agnoscit aliam? Quod et Bodinus probat". Срв. cap. IX § 21 in fine: „fatebor, eum qui summam habet potestatem, nec superiorem nisi Deum et naturalem aequitatem et justitiam agnoscit...".

Первый дается природой суверенитета; второй—содержаніемъ договора подчиненія, учреждающаго государственную власть.

Неотчуждаемость суверенитета,—таково основное начало политическоії доктрины монархомаховъ. Суверенитетъ—священное и неприкосновенное, неотъемлемое никѣмъ, вѣковѣчное право народа [1]); отъ этого права не можетъ и не долженъ (nec possit, nec debeat) отказаться народъ [2]). Государственная власть учреждается,—и, въ частности, монархъ избирается на престолъ, всегда и необходимо народомъ; поэтому учредительная власть народа всегда и необходимо выше учрежденноії имъ власти монарха или коллегіи оптиматовъ [3]). Не для монарха народъ, а монархъ для

[1]) Rossaeus, назв. соч., cap. II, § 1, стр. 39: „Sempiterna populi authoritas... quam nemo eripere potest... ius sacrosanctum et inviolabile.

[2]) Boucher, назв. соч., Lib III c. 7, f. 151 и сл.

[3]) Основная идея „Франко-Галліи“ Готомана: французскіе короли искони занимаютъ престолъ не по праву наслѣдованія, а по избранію народа. На этомъ фундаментѣ Готоманъ строитъ теорію народнаго суверенитета. См. напр., La France-Gaule, cap. I (въ сборникѣ Memoires de l'Etat de France, vol. II, ed. 2, 1628 fol. 383). Or en tous ces Royaumes ici—рѣчь идетъ о Галліи—il y a certains poincts qui sont bien dignes d'estre remarquez: c'est à savoir qu'ils (les rois) n'estoient point hereditaires, mais estoient deferez par le peuple, à ceux qu'il lui sembloit bon, pour la bonne opinion qu'il avoit de leur justice et legalite; d'avantage, que ces Rois ainsi esleus n'avoient point une puissance absolue et infinie, ni ne pouvoyent faire tout ce qu'ils vouloient: ains au contraire reserree et limitee par certaines loix, de sorte qu'ils estoient autant sous la puissance et authorité du peuple, comme le peuple sous la leur: au moyen de quoi ces regnes, à dire vray, n'estoyent autre chose que Magistrats perpetuels...“. Срв. Ibid., chap. VI (Memoires de l'Estat, vol. II, fol. 406): „Ces tesmoignages (хроника Sigebert'a) sont d'autant plus remarquables, qu'ils demonstrent que le peuple avoit une souveraine authorité, non seulement à elire leurs Rois, mais aussi à repudier les fils des Rois et elire des estrangers...“. Ibid, chap. VI (Memoires, II, fol. 408): „..... attendu qu'il appert par toutes les Annales de France, que le peuple et les estats ont eu plein pouvoir et souveraine authorité de les deposer quand ils l'avoient desservi“. Срв. Dialogue de l'autorité des princes (Memoires de l'Estat, vol III, f. 72 v.): „....mais puisque les peuples

народа [1]). Ни одно государство, ни одинъ народъ, ни одинъ человѣкъ, здравомыслящій и трезвый, не согласился бы предоставить монарху безграничную власть надъ собою для того, чтобы монархъ, по своему произволу и усмотрѣнію, могъ давать и отнимать, расхищать и грабить, уничтожать и избивать, распоряжаться въ своихъ интересахъ, безъ чьего бы то ни было противодѣйствія, и жизнью и смертью гражданъ [2]). И въ наслѣдственной монархіи верховная власть остается за народомъ, ибо наслѣдственное право на корону является условнымъ,—и если порядокъ престолонаслѣдія возводитъ на престолъ тирана, народъ имѣетъ право его уничтоженіемъ или изгнаніемъ внести въ этотъ порядокъ необходимую поправку [3]).

---

ont le droit de mettre les magistrats sur eux..... il faut conclure qu'ils les peuvent aussi demettre et par là sont leurs princes".

[1]) De jure magistratuum in subditos, Quaestio V: „Unde consequitur non populos propter magistratum, sed contra Magistratus propter populum fuisse creatos: sicut tutor pupillo non pupillus tutori constituitur". Junius Brutus, l. c., Quaestio III стр. 62: „Iam vero cum Reges a populo constituuntur, omnino sequi videtur, populum universum Rege potiorem est... Deinde Reges populi causa constitutos constat. Neque enim propter centum plus minus homunciones, caeteris plerumque longe peiores et inferiores universos creatos potius quam illos horum causa dixeris".

[2]) Rossaeus, l. c., cap. I § 6: „. . At quis aliquando populus, quae civitas, quis homo sobrius et sanae mentis vel dixit vel cogitavit ita universe et sine exceptione regi tradere sui regendi potentiam, ut rex pro sua libidine posset dare auferre diripere spoliare deglubere mactare et absque contradictione de vita et nece omnium pro suo unius nutu statuere"? Срв. Mariana, l. c., cap. IIX, стр. 74: „..... Quod si pergas curiose rogare, sit ne in arbitrio reipublicae plenam sine exceptione potestatem, de qua disceptatio est, sibi auferre, Principi dare? Equidem non magnopere contendam, neque in magno ponam discrimine utrovis modo sentiatur: modo illud concedatur imprudenter facturam rempublicam si dederit, Principem temerarie accepturum, per quod subditi e liberis servi evadant, principatus ad salutem datus, degeneret in tyrannidem". De jure magistratuum. Repet. quaest. IV.

[3]) Junius Brutus, l. c., Quaestio III, стр. 70: „Ex quo sane liquet, successionem toleratam quidem ad vitandum ambitium, secessionem, interregnum et alia electionis incommoda. At sane ubi graviora damna consequerentur, ubi regnum tyrannis, ubi regis solium tyrannus invaderet: po-

Суверенитетъ—неотъемлемъ. Если народъ, побѣжденный въ войнѣ, подчиняется безусловно побѣдителю, такое подчиненіе, какъ вынужденное силой и страхомъ (vi et metu) обязательной силы не имѣетъ [1]). Никакая давность узурпаціи не можетъ лишить народа принадлежащихъ ему правъ: по выраженію Брута, neque enim demunt anni quidquam juri populi, sed adsunt injuriae Regis [2]).

Неотчуждаемость суверенитета Альтузіи кладетъ въ основу своей системы. Natura et tempore populus prior, potior, superior est suis gubernatoribus. Учредительная власть предшествуетъ во времени и превосходитъ по силѣ учрежденную власть; поэтому суверенитетъ всегда и необходимо принадлежитъ народу [3]). Верховныя права народа неотчуждаемы, непосредственны, не могутъ быть утрачены черезъ

---

puli legitimum conventum et tyranni regisve ignavi expellendi adve agnatos deducendi et boni regis in eius locum adsciscendi authoritatem sibi retinuisse". Срв. выше, стр. 283 прим. 3.

[1]) Buchananus, De jure regni, § LII: „Porro si (rex) vi coegit populum sibi parere, populus quoque ubi primum suis viribus coeperit confidere, violentum illud imperium poterit excutere: quicquid per vim fiat, simili vi solvi posse; § LIII Per fraudem etiam circumventis iura dant restitutionem in integrum. Du droit des Magistrats (Memoires de l'Estat, v. II, 508 v.): „Mais ie dirai, que qnand mesmemes un Peuple sciemment et de son plein gré a consenti à chose, qui de soy mesmes est manifestement irrelligieuse et contre le droot naturel, une telle obligation ne peut valoir".

[2]) Junius Brutus, l. c., Quaestio III, стр. 72.

[3]) Althusius, Politica, ed. 3, cap. XVIII § 8: „Nec enim respublica vel regnum est propter regem, sed rex et quivis alius magistratus propter regnum et politiam. Nam populus, natura et tempore prior potior et superior est suis gubernatoribus. Sicuti omnis constituens prior et superior est a se constituto. Nec est verosimile cives universos, seu populum, se sua auctoritate penitus voluisse spoliare et transferre in alium sine exceptione, sine consilio et ratione, quod necesse non erat effecisse, ut princeps corruptioni et pravitati obnoxius, maiorem universis haberet potestatem, foetus parente, rivus origine esset praestantior". Послѣдняя тирада заимствуется, безъ указанія источника, Альтузіемъ у Маріаны (l. c., cap. IIX, стр. 71).

давность [1]); они такъ неразрывно связаны съ соціальнымъ тѣломъ, что не могутъ быть перенесены на другое лицо[2]).

Отказъ отъ суверенитета во всякомъ случаѣ ничтоженъ, ибо онъ постыденъ, невозможенъ, противъ права природы [3]). Никакая узурпація не можетъ лишить народъ принадлежащаго ему изначала права на суверенитетъ [4]). Поэтому „величество“ (majestas) въ государствѣ всегда принадлежитъ народу; наряду съ величествомъ народа нѣтъ мѣста величеству монарха [5]). Какова бы ни была форма правленія, сувереномъ всегда и необходимо является народъ. Нельзя говорить о различіи формъ государственнаго устройства, но при одинаковоій формѣ государственнаго устройства мы встрѣчаемся, дѣйствительно, съ различноій организаціеій—монархической или поліархическоій—правительственноій власти [6]).

Не подлежитъ сомнѣнію, что характеристику суверенитета Альтузіи заимствуетъ у Бодена. И. Боденъ признаетъ

[1]) Ibid., cap. XXXVIII § 127: „Stat enim illa communis Ictorum sententia (Альтузіи ссылается между прочимъ на Бодена), jus majestatis nec cedi, nec distrahi, nec ulla ratione alienari posse a suo domino... Est enim individuum et incommunicabile, neque temporis diuturnitate praescribi potest ullo modo“.

[2]) Ibid., cap. XVIII § 15: „Jura maiestatis, ut a corpore consociato inceperunt, sic individue et inseparabiliter illi adhaerent, nec in alium transferri possunt. Срв. Введеніе: „Proprietatem vero illorum et usumfructum adeo jure ad regnum seu populum pertinere contendo, ut hisce, etiamsi velit, se abdicare eosque in alium transferre et alienare nequaquam possit, non minus quam vitam quam quisque habet, alii communicare potest“.

[3]) Ibid., cap. XXXVIII § 129: „Quis talem conventionem non turpem et juri naturali ac honestati contrariam et proinde nullam et impossibilem diceret“?

[4]) Ibid., cap. XVIII § 124: „Et si populus fraude circumventus vel metu vique coactus se passus est in servitutem redigi, restitutionem in integrum habet“.

[5]) Ibid., Praefatio.

[6]) Ibid., cap. XXXIX, § 3: „Nam ex sola administrandi potestate species magistratuum sumuntur, atque ex hoc cognoscuntur, num illi sint polyarchici, vel monarchici. Jura majestatis semper in omnibus speciebus magistratuum et in omnibus administrationibus sunt populi, sicut diximus“.

неотчуждаемость суверенитета; тѣмъ не менѣе, вопреки своимъ собственнымъ утвержденіямъ, онъ допускаетъ отчужденіе суверенитета народомъ, безусловное и полное (pura donatio), въ пользу монарха. Гораздо послѣдовательнѣй Альтузіи: если суверенитетъ неотчуждаемъ, никто, кромѣ народа, не можетъ быть сувереномъ.

Въ тѣсной связи съ аргументомъ, разсмотрѣннымъ нами,— т. е. съ неотчуждаемостью народнаго суверенитета, находится другой аргументъ монархомаховъ—договорное происхожденіе государственной власти.

Какъ уже указано выше, договоръ подчиненія разсматривается Боденомъ, какъ одинъ изъ возможныхъ способовъ установленія власти; наряду съ договоромъ, такими же способами являются справедливое завоеваніе, божественное произволеніе и т. под. Въ отличіе отъ Бодена, монархомахи единственнымъ способомъ установленія власти признаютъ договоръ [1]). Сила, какъ таковая, не можетъ быть титуломъ законнаго господства; суверенитетъ неотчуждаемъ; restitutio in integrum—право народа, побѣжденнаго хитростью или силой.

Волунтарное происхожденіе государственной власти является для монархомаховъ непререкаемымъ въ своей очевидности фактомъ. Монархъ создается произволеніемъ народа, договоромъ съ нимъ [2]). Человѣческое происхожденіе

[1]) Althusius, Politica, ed. 3, cap. XIX § 15: „Itaque nullum unquam regnum, nullave Respublica instituta, fundataque fuit, nisi ultro citroque habito initoque contractu, pactisque inter subditos et futurum eorum principem conventis et obligatione mutuo constituta, quam utrique religiose conservarent, et qua violata potestas illa evanesceret ac tolleretur“.

[2]) Rossaeus, De justa authoritate, cap. I § 3: „Quis Poloniae regem a Dano et Anglo, quis hos a Gallo et Hispano tam multis in regno tractando differentiis sejunxit et separavit? Certe nec Deus nec natura, quae apud omnes istos una est; sed ipsorum populorum voluntas, arbitrium, designatio et libera quum respublicas suas primo formarunt aut postea corruxerunt institutio“. Danaes, l. c., Lib I cap IV: Politicum vero imperium hominum suffragio et consensu conciliatum est.... (стр. 39)..... Ex quibus apparet reges a subditis, non autem subditos a regibus creatos: et subditos esse euis regibus tempore naturapue priores....

власти отнюдь не стоитъ въ противорѣчіи съ ея божественной природой. Конечно, omnis potestas a Deo; но необходимо различать electio и constitutio regis. Electio—Deo, constitutio—populo. Монархъ избирается Богомъ; но для того, чтобы онъ помнилъ, что власть народа всегда и необходимо возвышается надъ нимъ, божественная воля осуществляется чрезъ посредство установленія власти монарха народомъ [1]).

Отрицая возможность отчужденія суверенитета, монархомахи, конечно, соотвѣтственнымъ образомъ конструируютъ договоръ подчиненія, являющійся титуломъ государственной власти. Въ то время, какъ Боденъ отождествляетъ договоръ подчиненія съ договоромъ даренія гражданскаго права, монархомахи усматриваютъ въ немъ договоръ порученія или мандата. У Альтузія договоръ подчиненія, оставаясь мандатомъ, пріобрѣтаетъ характеръ должностного договора,—договора между сувереномъ-народомъ и монархомъ, какъ должностнымъ лицомъ [2]). Какъ всякій договоръ, и договоръ подчиненія является двустороннe обязательнымъ (mutua seu reciproca obligatio); изъ него вытекаютъ не только права, но и обязанности, какъ для монарха, съ одной стороны, такъ и для народа, съ другой [3]). Однако, въ то время, какъ обя-

---

[1]) Junius Brutus, l. c., Quaestio III p. 57.

[2]) Althusius, l. c., cap. XIX § 6: „Pactum hoc, seu contractum mandati cum magistratu summo initum utramque partim contrahentem obligare dubium non est, adeo ut revocare illum, vel violare, neque magistratui, neque subditis concedatur. Срв. также Ibid., cap. XVIII, § 104; cap. XIX, § 12.

[3]) Buchananus, l. c., § LXXXVI: „Mutua igitur Regi cum civibus est pactio. Qui prior a conventis recedit contraque quam pactus est facit, nonne is pacta et conventa solvit? Soluto igitur vinculo quod Regem cum populo continebat, quicquid juris et pactione ad eum qui pacta solvit pertinebat, id reor, amittitur. Rossaeus, l. c., cap. II § 6, p. 68: „..... quod ex hoc consequitur reciprocam esse regis et populi obligationem, nec illum posse quod velit simpliciter praecipere, nec hunc teneri ut omnibus eius imperatis simpliciter obtemperet; ib., p. 69: „Ubi tam expresse civilis contractus intercedit, do ut des. promitto si solveris, subjectus tuus sum si juste et christiane imperaveris, quam clarus est hunc

занности монарха безусловны, обязанности народа имѣютъ условный характеръ: монархъ обязуется управлять справедливо и сообразно съ законами; подъ этимъ условіемъ народъ обязуется повиноваться монарху [1]). Содержаніе договора: ut bene imperanti bene obtemperaretur [2]). Монарху принадлежатъ только тѣ права, которыя ему предоставлены народомъ [3]). Эти права всегда ограничены, хотя бы договоръ заключенъ былъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ [4]). Монархъ обязанъ „non sua licentia, sed quod populus in se dedisset jure uti“ [5]).

Какъ и у Бодена, конструкція договора подчиненія имѣетъ у монархомаховъ частно-правный характеръ [6]). Отсюда—уче-

---

contractum esse irritum si altera pars a promisso discesserit“. Срв. Althusius, l. c. cap. XIX, § 6.

[1]) Junius Brutus, l. c., Questio III, p. 105: „In eo parte agebatur de creando rege. Populus enim regem faciebat, non rex populum. Itaque non dubium est, quin Populus stipularetur, rex promitteret. Stipulatoris vero partes in iure potiores censentur. Stipulabatur ille a rege, an non iuste et secundum leges regnaturus esset? Hic facturum spondebat. Populus demum se justi imperanti fideliter obsequuturum respondebat. Itaque promittebat rex pure, populus sub conditione: quae si non impletur, populus ipso iure omni obligatione solutus censeretur. См. также Ibid. Praefatio, p. 7; p. 125. Althusius, l. c., cap. XX, § 3: „Fit ergo a populo obedientiae et obsequiorum promissio sub conditione tacita vel expressa, si magistratus juste et pie est imperaturus“; ibid., cap. XX § 21: „Obligatur magistratus prius populo pure, populus magistratui sub conditione se obligavit, si pie et juste imperaturus sit. Hac conditione deficiente, contractus est irritus et obligatio nulla“.

[2]) Junius Brutus, l. c., Quaestio I, p. 19.

[3]) Althusius, l. c., cap. XIX, § 7: „Tantum autem juris habet hic summus magistratus, quantum illi ... est expesse concessum, et quod non datum ipsi est, id penes populum, seu universalem consociationem, remansisse dicendum est.

[4]) Althusius, l. c., cap. XIX, § 35: „Ergo ad salutem et utilitatem concedentis populi, concessio generalissimis etiam verbis facta, est restringenda. Haec enim mens concedentis fuit, quae verba generalia restringit et limitat“.

[5]) Buchananus, l. c., § IV.

[6]) Приведемъ чрезвычайно характерный примѣръ, иллюстрирующій частноправную концепцію договора подчиненія у монархомаховъ. По

ніе монархомаховъ о недѣйствительности договора: вынужденное – vi, metu, fraude et dolo—волеизъявленіе народа юридической силы не имѣетъ [1]). Какъ всякій частно-правный договоръ, договоръ подчиненія, нарушенный одной изъ сторонъ, теряетъ обязательную силу для другой. Если монархъ не исполняетъ обязанностей, вытекающихъ изъ договора, народъ, въ отношеніи къ нему, отъ всякихъ обязанностей свободенъ [2]). Монархъ, нарушившій договоръ, становится тираномъ. Господство, не основанное на договорѣ, становится насиліемъ; сопротивленіе насилію—неотъемлемое право народа.

§ 3.

Договоромъ подчиненія учреждается государственная власть.

мнѣнію Брута, монархія учреждается не однимъ, а двумя договорами: во 1-хъ, договоромъ между Богомъ, съ одной стороны, и монархомъ совмѣстно съ народомъ, съ другой; и во 2-хъ, договоромъ между монархомъ и народомъ. Изъ перваго договора вытекаетъ обязанность монарха соблюдать божественный законъ и въ то же время обязанность народа оказывать сопротивленіе монарху, не исполняющему своихъ обязанностей въ отношеніи къ Богу. И вотъ почему: „Videtur ergo Deus fecisse quod in dubiis nominibus creditores facere volent, ut plures in eandem summam obligentur, ut ejusdem rei duo pluresve rei promittenti constituuntur a quorum unoquoque tanquam principali reo solidum peti possit. Ecclesiam unico homuncioni commitere lubricum erat. Eam itaque universo populo commendet atque committit... Quemadmodum ergo cum Caius et Titius eandem pecuniam Seio stipulanti conjuncti promiserunt, singuli ipso jure in solidum tenentur... et Deus ab alterutro integram rem petere potest (Vindiciae, Quaest. II, p. 33 и сл.). Очевидно, Богъ Юнія Брута прошелъ хорошую романистическую школу и основательно знакомъ съ природой корреальныхъ обязательствъ. Съ такой-же конструкціей, очевидно, заимствованной у Брута, мы встрѣчаемъ у Boucher, l. c., Lib I. cap. 25 (f. 31 v.).

[1]) См. выше, стр. 288 прим. 3. Стр. 289 прим. 1.

[2]) De jure magistratuum, Repetitio VI (Quaest. „Conditiones pacto additi si non impleantur, irritum erit pactum, si parti laesae placuerit. Nulli unquam Reges admissi, nisi aut expresse aut tacite subintellecta conditione, si juste sancteque populos rexerint.

Какъ уже указано выше, монархомахи-монархисты. Конечно, имъ извѣстна аристотелевская тріада; и по ихъ мнѣнію, какъ по мнѣнію Бодена, государственная власть можетъ быть либо непосредственно осуществляема народомъ; либо поручена имъ не только одному лицу, но и коллегіи оптиматовъ. Однако, какъ практическіе политики, монархомахи интересуются одной только монархической формой правленія. По общему правилу, государственная власть поручается народомъ монарху.

Каково же юридическое положеніе монарха, по ученію монархомаховъ?

Признавая договоръ подчиненія мандатомъ, монархомахи тѣмъ самымъ признаютъ монарха должностнымъ лицомъ, высшимъ магистратомъ государства [1]). Монарху поручается осуществленіе власти, какъ высшему должностному лицу (supremus regni officiarius), какъ куратору или администратору королевства (curator, administrator Reipublicae) [2]). Regis nomen, говоритъ Юній Брутъ, non haereditatem, non proprietatem, non usufructum, sed functionem et procurationem sonat [3]). Королевская должность—non honos sed onus, non immunitas sed munus, non vacatio sed vocatio, non licentia sed publica servitus [4]).

Съ такимъ же пониманіемъ власти монарха мы встрѣчаемся у Альтузія. Какъ и другіе монархомахи, Альтузій

[1]) Salamonius, н. с., стр. 30: „Principatus non est aliud ista ratione quam magistratus quidam perpetuus: et propterea non plus quam populi magistratus (цит. у Landmann'a, l. c.).

[2]) Hotomani Franco-Gallia, cap. XIX, De summa inter Regem et regnum differentia, passim; Junius Brutus, Vindiciae, Quaestio III, стр. 62: „rex--servus, ac judex aut tribunus Reip." ibid., стр. 85: „Dicimus principem tanquam legis ministrum et executorem... legis custodem".

[3]) Junius Brutus, н. с., Quaestio III, стр. 91 и сл.; стр. 100.

[4]) Ibid., Quaestio III, стр. 75. Срв. также Discours politiques (Memoires de l'Estat, vol III, f. 221 v.): „Car principauté royale n'est pas une possession privé, ni une chose familiére, en laquelle on doyve heriter.... et n'est chose venale ne divisible, ne dont on puisse tester, mais est un excellent office publique et une dignité honnorable qui requiert vertu et prudence en l'homme qui y est constitué".

называетъ монарха „summus magistratus“; однако, „высшимъ“ является монархъ лишь въ отношеніи къ подчиненнымъ ему должностнымъ лицамъ; въ отношеніи къ народу монархъ— не суверенъ, a minister alienae potestatis, такъ какъ собственность (proprietas) суверенитета остается у народа: regni proprietas est populi et administratio regis [1]). Монархъ—мандатарій народа; есть поэтому большое различіе между правомъ монарха и правомъ народа: первое имѣетъ временный и личный характеръ, второе остается вѣчнымъ; первое меньше второго; первое является условнымъ порученіемъ, второе собственнымъ и неотчуждаемымъ правомъ [2]).

Какъ мандарій народа, монархъ обладаетъ ограниченною властью,—лишь тѣми полномочіями, какія ему предоставлены народомъ. Невозможность абсолютизма монархической власти съ логической необходимостью вытекаетъ изъ природы договора подчиненія, какъ договора порученія или мандата. Монархъ не можетъ распоряжаться по своему усмотрѣнію ни отдѣльными гражданами, ни имуществомъ государства.

Что касается гражданъ, онъ долженъ относиться къ нимъ какъ къ братьямъ, а не рабамъ [3]); никакого права на частную собственность гражданъ монархъ не имѣетъ [4]). И точно также не имѣетъ монархъ права на собственность государ-

---

[1]) Althusius, Politica, cap. IX § 4. Срв. ibid., cap. XIX § 13: „Deinde apparet ex hoc contractu jus summo magistratui a populo datum, esse minus populi jure et alienum, non ipsius proprium; ibid., cap. XIX § 4: „Deinde summus dicitur ratione singulorum, non universorum subditorum; neque ratione legis, cuius est subjectus“.

[2]) Ibid., cap. XVIII § 92: „Jam quero, cuius sit major autoritas et potestas, mandantis, injungentis, an mandatarii, administratoris, ministri, suscipientis“? Ibid., cap. XVIII § 104: „Aliud ergo jus regis et aliud jus populi est. Illud temporale et personale, hoc perpetuum manet: illud minus, hoc majus est: illud est precarium ex contractu mandati regi datum et susceptum, hoc est proprium et incommunicabile ....“.

[3]) Junius Brutus, Quaestio III: „subditis unt regis fratres, non servi“.

[4]) Junius Brutus, l. c. Quaestio III. Boucher, l. c., lib. III cap. II Rossaeus, cap. 2 § 3.

ства: отчужденіе доменъ необходимо предполагаетъ согласіе народа [1]).

Напрасно бы, однако, мы стали искать у монархомаховъ опредѣленныхъ и точныхъ указаній на содержаніе и объемъ полномочій монарха.

Въ одномъ лишь отношеніи монархомахи категоричны: законодательная власть въ ея полномъ объемѣ монарху не принадлежитъ.

Не только божественнымъ и естественнымъ правомъ, но и положительнымъ законодательствомъ связанъ монархъ: rex legibus astrictus,--таково основное положеніе теоріи монархомаховъ [2]).

[1]) Hotomanus, l. c., cap. XXV: „Ne videlicet Regi jus sit ullam Domanii sui partem sine publici Concilii auctoritate allenare, quippe, quod ei ad tuendam tantum regiam dignitatem fruendum datum est, ut parem in eo potestatem habeat atque marito in uxoris dote conceditur“ Althusius, l. c., cap. XXXV § 52: „Est enim magistratus non regni bonorumque ejus proprietarius, sed nudus administrator et dispensator, generali populi mandato constitutus, qui alienare vel transigere, aut donare sine domini sui voluntate minime potest, neque plus juris in alium transferre quam ipse habet“.

[2]) Rossaeus, l. c., cap. II § 8 p. 86: „In Francia universum regnum clamat contra hanc proditoriam sententiam („Rex nulla lege praeterquam sua sola voluntate tuetur“), qua regni ejus status adversus sursum deorsum vertitur“. Junius Brutus, l. c., Quaestio III: „Quin potius in omnibus regnis bene constitutis regem a populo leges quas tueatur, quas intueatur accipere“. Hotomani, Franco-Gallia, cap. XII: „Nam quod regna quaedam unius Regis arbitrio ac nutu gubernantur, quale hodie Turcium esse constat, non hominum liberorum et lumine mentis ac rationis utentium sed pecudum potius et brutorum consilii expertium eam gubernationem esse“. Danaeus, l. c., Sib III cap VI: „Nam qui contendunt nullas leges, nullave foedera posse inter Regem seu summum magistratum et populum seu subditos intercedere, qnibus Rex subditis suis astringitur, plane sunt Regum Parasiti et omnis Reip. ac humanae societatis pestes, qui publicam perfidiam in Regibus alere student et conantur“. Boucher, l. c., lib I cap. 3, настаиваетъ на связанности монарха естественнымъ правомъ; см. также Boucher, l. c., Lib I cap. 19 (f. 23). Съ чрезвычайной настойчивостью подчеркиваетъ Althusius подзаконность правительственной власти монарха. См., напр., Politica, cap. XIX § 9: „Absoluta potestas seu plenitudo potestatis quam vo-

Отсюда—ученіе о монархѣ, какъ объ органѣ исполнительной (а не законодательной) власти. По справедливому указанію Еллинека, именно, у монархомаховъ мы встрѣчаемся впервые съ идеей, такъ называемой, исполнительной власти, сыгравшей столь значительную роль въ конституціонной доктринѣ [1]).

Не будучи законодателемъ, монархъ является, прежде всего и главнымъ образомъ, исполнителемъ и оберегателемъ законовъ; ему нераздѣльно принадлежитъ исполнительная и судебная власть. Онъ—custos, executor, minister, defensor ac vindex legum [2]).

По мнѣнію Альтузія, монархъ учреждается для исполненія закона. Законъ есть сужденіе о томъ, что дозволено и что воспрещено; онъ нуждается въ исполненіи потому, что самъ дѣйствовать (facere) онъ не можетъ. Подобно медицинѣ, законъ устанавливаетъ общія правила леченія; магистратъ, подобно врачу, принимая во вниманіе индивидуальныя особенности даннаго заболѣванія, примѣняетъ необходимыя лечебныя средства [3]).

---

cant dari non potest... Nam qui plenitudine potestatis utitur, repagula quibus est obserata humana societas perfringit. Срв. также cap. XXIV § 48: „In administratione hac sua magistratus alligatus est legibus Decalogi atque civilibus regni et majestatis legibus, ad quas tanquam ad cynosuram, normam et regulam, omnia negotia administrationis suae referre debet. Ibid. § 49: „Qua de causa recte dicitur, magistatum non esse legibus generalibus solutum: non tantum naturalibus sed etiam civilibus. Ligant onera gravia et digito suo nolunt ea movere". См. также цитаты у Landmann'a l. c., стр. 25.

[1]) Jellinek, Gesetz und Verordnung, стр. 58.

[2]) Junius Brutus, l. c. Qu. III, p. 85: „Rex legis organum et quasi corpus per quod illa suas vires exerit, sua munera obit, sua sensa eloquitur. Regibus vero id praecipue muneris commendatum, ut legum custodes, ministri et conservatores essent. Dicimus vero Principem tanquam legis ministrum et executorem in eos tantum, quos Lex jusserit, gladium stringere posse. Sin fecerit, non regem amplius sed tyrannum, non judicem sed praedonem, non legis custodem, sed violatorem esse..." Mariana, l. c. cap. IX p. 84: „Princeps — custos et vindex legum."

[3]) Althusius, l. c., cap. XXIX § 14: „Huius exsecutionis faciendae gratia magistratus constitutus est, ut sit ille lex vivens, minister et custos legis mutuae. ....Lex, quid faciendum, vel omittendum sit, indicat;

Признавая монарха исполнительнымъ органомъ, Буханань и Брутъ — съ удивительною для своего времени послѣдовательностью—не признаютъ за нимъ права аутентическаго толкованія законовъ [1]). По мнѣнію Брута и Готомана, право помилованія монарху не принадлежитъ: осужденный по силѣ закона не можетъ быть освобожденъ отъ наказанія по произволу властителя [2]).

Законодательная власть принадлежитъ народу, исполнительная монарху, — таково всеобщее убѣжденіе монархомаховъ. И тѣмъ не менѣе, напрасно бы мы стали искать въ ихъ доктринѣ отчетливаго разграниченія законодательной отъ правительственной власти; впрочемъ, и въ позднѣйшей конституціонной доктринѣ мы такого разграниченія не находимъ. Съ одной стороны, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, большинство монархомаховъ не отказываетъ безусловно властителю въ законодательной власти: только наиболѣе важные законодательные акты — постоянные, касающіеся общаго status'a государства—нуждаются въ согласіи Генеральныхъ Штатовъ. А съ другой, и правительственные—наиболѣе важнѣе—акты не могутъ быть, по мнѣнію монархомаховъ, осуществляемы властителемъ иначе, какъ съ согласія народа.

sed ipsa non facit, vel exsequitur. Lex circumstantias generales habet uti medicina: sed magistratus, uti optimus medicus, adhibita temperamenti aegroti distinctione, pharmaca sua adhibet, causarum auditis circumstantiis propriis, judicat et legibus negotia adcommodat.“ Срв. Ibid, cap. XVIII § 28: „Transfertur vero in hosce administratores et rectores a membris universalis consociationis sola potestas secundum justas leges administrandi et regendi“; Ibid., cap. XXIV § 48: „ ...Unde magistratus lex viva, exsecutor, custos et minister legis dicitur, qui nihil nisi lege jubente velit, faciat vel omittat;“ Ibid., cap. XXIX § 14 и мн. др.

[1]) Buchanani, De jure regni § XIX: „At interpretandi idem auctor legem suam fecit inutilem. Vides, opinor, uno versu des Principi licentiam: nempe ut quod volet ille, dicat lex: quod nolit, non dicat.“ Junius Brutus, l. c., Qu. III.

[2]) Junius Brutus, ibid.; Hotomanus, Franco-Gallia, cap. XXV — шестой основной законъ Франціи: „Ut Regi abolendi criminis et capitalis poenae sine parlamenti auctoritate remittendae jus non sit in hoc regno.“

Такъ, въ частности, по мнѣнію Альтузія, къ компетенціи Штатовъ относятся вопросы о религіи и богослуженіи, о воінѣ и мирѣ, объ общественномъ спокойствіи и порядкѣ, о налогахъ и сборахъ, о чеканкѣ монеты и торговлѣ, о государственныхъ имуществахъ и прочихъ правахъ государства [1]). Не такъ далеко идутъ другіе монархомахи. По мнѣнію Готомана, необходимо согласіе Штатовъ на отчужденіе домена, на освобожденіе преступниковъ отъ наказанія, на опредѣленіе вѣса и формы монеты [2]). Маріана упоминаетъ о престолонаслѣдіи, о налогахъ и вѣроисповѣданіи (religionis forma), какъ о вопросахъ, которыхъ, безъ согласія народа, властитель не имѣетъ права касаться [3]).

Необходимость одобренія или согласія народа для осуществленія монархомъ важнѣйшихъ,—не только законодательныхъ, но и правительственныхъ актовъ не слѣдуетъ, впрочемъ, понимать, какъ участіе народа въ осуществленіи власти, делегированной монарху. Никто изъ монархомаховъ не сомнѣвается въ томъ, что правительственная власть принадлежитъ монарху. Народу принадлежитъ контроль,—либо предварительный, въ формѣ одобренія или санкціи правительственныхъ актовъ монарха, либо послѣдующій въ формѣ привлеченія монарха къ отвѣтственности за незаконные (тиранические) акты. Сущность политической доктрины монархомаховъ заключается въ томъ, что ею отчетливо отграничивается власть управленія отъ власти контроля; только послѣдняя принадлежитъ суверену—народу.

§ 4.

Монархъ—мандатарій суверена-народа.

Въ договорѣ подчиненія одной стороною является монархъ, другою—народъ.

Необходимо отвѣтить на вопросъ: что, именно, понимаетъ подъ „народомъ“ политическая доктрина монархомаховъ?

---

[1]) Althusius, l. c., cap. XXXIII § 3.
[2]) Hotomani, Franco-Gallia, cap. XXV.
[3]) Mariana, l. c., cap. IX p. 81.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что то механическое (атомистическое) воззрѣніе на народъ, какъ на аггрегатъ изолированныхъ и равныхъ другъ другу индивидовъ, которое безусловно господствуетъ въ доктринѣ естественнаго права позднѣйшей эпохи, политической доктринѣ XVI вѣка является органически чуждымъ.

Со временъ Гуго Гроція индивидуалистическая философія естественнаго права исходитъ изъ представленія объ индивидѣ, какъ источникѣ и творцѣ государственнаго и общественнаго правопорядка. Посредствомъ договора соединенія, или общественнаго договора (pactum unionis, Contrat social, Gesellschaftsvertrag), пребывающіи въ естественномъ состояніи индивидъ создаетъ организованный и единый народъ. Переходъ изъ естественнаго состоянія въ гражданское разсматривается, какъ дѣло сознательной и цѣлесообразной человѣческой воли.

Сначала общественнымъ договоромъ создается народъ; затѣмъ договоромъ подчиненія (pactum subjectionis) учреждается государственная власть: таково — общепризнанное въ доктринѣ естественнаго права, схематическое изображеніе возникновенія государства.

Само собою понятно, что народъ, создаваемый общественнымъ договоромъ,—договоромъ суверенныхъ,—т. е. свободныхъ и равныхъ другъ другу индивидовъ,—необходимо является искусственнымъ (механическимъ) единствомъ, совпадающимъ съ совокупностью образующихъ его частей. Воля народа дается суммированіемъ индивидуальныхъ воль.

Какъ намъ уже извѣстно; идея договора подчиненія является краеугольнымъ камнемъ политической доктрины монархомаховъ: договоромъ подчиненія учреждается монархическая власть. Напротивъ, идея общественнаго договора, посредствомъ котораго создается народъ (или государство), публицистикѣ XVI вѣка неизвѣстна [1]). Въ вопросѣ о происхожденіи государства (или народа) она остается вѣрной Ари-

[1]) Méaly, Les publiciste de Réforme, p. 250.

встотелескому ученію о соціальноії природѣ человѣка. Государство создается не потому, что соціально настроенная воля естественнаго индивида желаетъ государства, оно создается потому, что соціальная природа индивида—homo animal sociale et politicum—съ роковоії необходимостью влечетъ его къ государству.

Государство, или—что то же—народъ, создается не сразу „изъ ничего“, не прыжкомъ черезъ пропасть, отдѣляющую естественное состояніе отъ гражданскаго; медленно и постепенно, со ступени на ступень, поднимается индивидъ, подчиняясь общественному инстинкту, по лѣстницѣ общественныхъ организацій. Государство является послѣднимъ универсальнымъ союзомъ въ длинномъ и непрерывномъ ряду многообразныхъ партикулярныхъ, частноправныхъ и публичноправныхъ, соединеній. Боденъ опредѣляетъ государство, какъ правовую организацію многочисленныхъ семействъ и всего, что является для нихъ общимъ, подъ единою суверенною властью [1]). Первоначальнымъ элементомъ государства является, такимъ образомъ, не индивидъ, а семья. Семья—прообразъ государства; государство—разросшаяся и усложнившаяся семья [2]).

И для монархомаховъ, поскольку они не довольствуются теологическими аргументами („государство — послѣдствіе грѣхопаденія“; „государство создается божественнымъ промысломъ“), происхожденіе государства объясняется естественнымъ процессомъ усложненія общественноії жизни. Государство возникаетъ изъ низшихъ общественныхъ союзовъ силоії соціальноії необходимости, а не сознательнымъ актомъ индивидуальноії воли [3]).

---

[1]) J. Bodini, De republica, L. I c. 1.

[2]) Ibid. L. I c. 1; c. 2—5; L. IV c. 1.

[3]) Такъ, напр., Mariana, De Rege et Regis institutione, Lib. I cap 1. („Homo natura est animal sociabile“) доказываетъ, что безпомощность и безсиліе человѣка при его появленіи на свѣтъ—мать общества и государства. См. также Rossaeus, l. c., cap. 1 § 1. („Quod natura respublicas et civiles societates instituit“): „Neminem arbitror aliquando con-

Что касается Альтузія, то вопреки утвержденіямъ Гирке, мы считаемъ его эпигономъ XVI вѣка, а отнюдь не предтечей XVII и даже XVIII в.в., предвосхитившимъ идею „Общественнаго договора“ Ж. Ж. Руссо [1]). По мнѣнію Гирке, именно Альтузіи, въ отличіе отъ другихъ монархомаховъ, наряду съ договоромъ подчиненія, конструируетъ общественный договоръ, лежащій въ основѣ гражданскаго состоянія, вообще [2]). Въ дѣйствительности, однако, идея общественнаго договора въ ученіи Альтузія имѣетъ совершенно не то значеніе, какое ей присуще въ доктринѣ естественнаго права,—и, въ частности, въ ученіи Руссо. По справедливому указанію Еллинека, огромное значеніе естественно-правовой идеи обще-

siderasse paulo diligentius hominis originem et conditionem qui non statim adverterit eum a natura ad civilem societatem fuisse factum et ordinatum.... Istae igitur corporis atque animi necessitates, ista virtutum semina animis nostris insita homines dispersos et dissipatos in unum locum contraxerunt. Hae causae aedificarunt vicos, construxerunt civitates, fundarunt Academias, multorum agricolarum, artificum, fabrorum, architectorum, militum, mercatorum, doctorum atque indoctorum varietatem, tanquam totidem ejusdem corporis membra unitate et societate civili copularunt.... Natura ergo civitates fabricavit, natura respublicas instituit.“ Danaeus, l. c., Lib. I, cap. III: „In summa Deus ipse Optim Maxim. est remotus quidem, sed verissimus tamen autor et causa primae hominum societatis et secundae caeterorumque graduum, quibus tandem et Urbes et Respubl. sunt constitutae. Dico vero Remotior. propterea quod proxima ejndem humanee societatis causa, est is ipse affectus naturalis, quem hominum a se procreatorem et coniugio colligatorum mentibus iniecit . . . (стр. 24). Hinc domestica societas, ex qua caeteri postea quantumvis magni hominum coetus orti sunt, velut magna flumina ex parvis primum rivulis propagantur. Hinc vici, hinc pagi, hinc oppida, hinc Resp. denique et regna constituta (стр. 39). О другихъ монархомахахъ—Буханахѣ, Данеусѣ, Готоманѣ и Брутѣ — у Treumann'a, l. c., стр. 50 и сл. Впрочемъ, и Gierke (Johannes Althusius, 2 Aufl., S. 96 ff.) и вслѣдъ за нимъ Treumann (l. c.) „слѣды“ теоріи общественнаго договора находятъ уже въ ученіи монархомаховъ. Слѣды эти, однако, весьма незначительны; по словамъ самого Gierke, die Politiker der herrschenden Richtung (des XVI Jahr.) verhielten sich unter dem Einfluss des Aristoteles geradezu ablehnend oder doch gleichgültig gegen die neue Idee“ (l. c., стр. 96).

[1]) Gierke. Johannes Althusius, 2 Aufl., стр. 9.

[2]) Ibid., стр. 99 и сл.

ственнаго договора заключается, именно, въ томъ, что благодаря ей государство выводится непосредственно изъ воли суверенаго индивида [1]). Совершенно иначе конструируетъ происхожденіе государства (или народа) Альтузіи. Какъ и всѣ публицисты XVI вѣка, онъ остается на почвѣ Аристотелевской традиціи: не соціально настроенная воля индивида, а соціальная природа его, т. е. соціальный инстинктъ создаетъ общежитіе [2]). Государство возникаетъ исторически, какъ послѣднее звено въ неразрывной цѣпи общественныхъ союзовъ [3]). Изъ низшихъ и болѣе тѣсныхъ постепенно складываются высшіе и болѣе широкіе: семья, корпорація, община (vicus, pagus, oppidum), провинція и, наконецъ, государство [4]), Государство Альтузіи опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „universalis publica consociatio, qua civitates et provinciae plures ad jus regni mutua communicatione rerum et operarum, mutuis viribus et sumptibus habendum, constituendum exercendum et defendendum se obligant“ [5]). Врядъ ли необходимо доказывать, что„соглашеніе земель и провинцій“, о которомъ говоритъ Альтузіи toto coelo отлично отъ общественнаго договора естественно-правовой доктрины [6]).

---

[1]) Jellinek, Allgemeine Staatslehre, 1 Aufl., стр. 183 прим. 2.

[2]) Althusii Politica, cap. I § 24: „Plane homo natura sua est animal gregabile ad societatem cum aliis hominibus colendam natum, non autem, ut ferae beluae, natura sua solitarium, non ut aves, vagum.“ Ibid. § 32 „Est enim homo animal omni ape, omnique animante gregabili civilius, atque ideo homo natura ipsa sociale animal est, longe magis quam apes formicae et ejusmodi genera, quae gregatim aluntur et gregatim se tuentur.. Instinctus hominibus adjectus est gregatim vivendi, societatemque civilem constituendi...“ Ibid. § 33: „Necessitas igitur suasit consociationem... Qua ratione manfestum est, civitatem, i. e. civilem societatem natura consistere, hominemque natura esse civile animal, eamque consociationem sensim appetere“..

[3]) Ibid., Lib. V § 1: „Nam societas humana certis gradibus ac progressionibus minorum societatum a privatis ad publicas societates pervenit.“

[4]) Ibid., Lib. V—Lib. VIII passim.

[5]) Ibid., Lib IX § 1.

[6]) Срв. Bluntschli, Geschichte d. n. Staatsw. стр. 79; Treumann, l. c., стр. 9; Ernst v. Meier, Französische Einflüsse auf die Staats- u.

Итакъ, что же понимаетъ подъ народомъ публицистическая доктрина XVI вѣка?

Было бы болѣе, чѣмъ наивно, въ ученіи монархомаховъ искать демократической концепціи народнаго суверенитета [1]). Народъ монархомаховъ—не сумма естественныхъ, т. е. равныхъ другъ другу индивидовъ, не куча однообразнаго и одноцвѣтнаго песка. Народъ—исторически сложившееся, соціально дифференцированное, феодальное, или полуфеодальное общество XVI в., совокупность сословныхъ и территоріально-обособленныхъ группъ, „чиновъ“ и провинцій“, поглощающихъ и растворяющихъ индивида. Не можетъ быть рѣчи о равенствѣ гражданъ, образующихъ народъ: индивидъ квалифицируется группой, къ которой принадлежитъ [2]). Господство большинства—непостижимая для монархомаховъ идея: тысячи „простыхъ“ должны подчиняться тирану; одинъ „знатный“ имѣетъ право возстать противъ него [3]). Изъ двухъ элементовъ слагается государство: съ одной стороны, misera plebs,

Rechtsentwicklung Preussens im XIX Jahrh. Bd. I Prolegomena, стр. 26 и сл. О федералистическихъ тенденціяхъ доктрины Альтузія см. у М. М. Ковалевскаго, „Отъ прямого народоправства къ представительному“, т. II, стр. 57 и сл.; Atger, Essai sur l'histoire des doctrines du Contrat social, p. 121.

[1]) По мнѣнію Viguié (Les théories politiques liberales au XVI siècle. Etudes sur la Franco-Gallia de Fr. Hotman, 1879, p. 52) все наше публичное право цѣликомъ заключено въ Франко-Галліи Готомана; въ частности, изъ этой книги можетъ быть выведенъ не только принципъ народнаго суверенитета, но и принципъ всеобщаго избирательнаго права (le suffrage de tous)!!?

[2]) Danaeus, l. c., Lib. II cap. I: „Iam vero singuli homines ..... nequaquam unius tamen et eiusdem conditionis sunt omnes, sive sexus spectetur, sive status, sive opes et rerum copia, sive dignitas. Ex quibus apparet humani generis societatem uno duntaxat hominum genere minime constare posse aut debere“ (стр. 77).

[3]) Конечно, и монархомахи признаютъ внутригрупповое господство большинства: въ коллегіи равныхъ рѣшаетъ большинство. По словамъ Юнія Брута (Vindiciae, Qu. II.), „quod major pars principum seu optimatum fecerit, omnes, quod omnes, universus populus fecisse dicitur.“ Мы имѣемъ, однако, въ виду междугрупповое, или всесословное большинство—„большинство вотирующихъ гражданъ“; его монархомахи не знаютъ.

презираемая монархомахами чернь,—пассивный элементъ исторической жизни государства; съ другой, привилегированныя, сословныя организаціи,—ея активный элементъ. Народъ, какъ суверенъ, какъ верховная въ государствѣ власть,—это Генеральные Штаты, отдѣльныя сословія, участвующія въ нихъ,—сеньеры,—магистраты,—привилегированные города (les bonnes villes) [1]).

Монархомахи—позитивисты. Non enim nobis—говоритъ Альтузій—hic fingenda est respublica et politia Platonica, seu qualem Thomas Morus in Utopia fingit, sed talis, qualis in hoc humanarum rerum Oceano et naturae nostrae infirmitate haberi potest [2]). Для нихъ народъ не отвлеченная категорія, не „общество равныхъ“ естественно-правовой доктрины; народъ—реальное явленіе исторической дѣйствительности,—„общество неравныхъ“, общество знати и черни,—знати повелѣвающей и повинующейся черни.

И не только позитивный характеръ,—самое существо политической доктрины монархомаховъ приводитъ ихъ съ логической необходимостью къ аристократической концепціи народа.

Суверенитетъ принадлежитъ народу; само собою, однако, понятно, что не народъ въ его цѣломъ, не народное большинство осуществляетъ верховную въ государствѣ власть.

Народная толпа—bellua illa innumerorum capitum, по выраженію Юнія Брута—къ осуществленію власти неспособна [3]).

---

[1]) См. Saripolos. La démocratie et l'election proportionnelle, t. I, p. 116 et suiv. Weill, Les théories sur le pouvoir royal, стр. 111 и сл. Janet, Histoire de la science politique, éd. 3, t. II p. 37 suiv. Landmann, l. c., стр. 20 и сл. Lemaire, Les lois fondamentales de la Monarchie française„ p. 103 et suiv.

[2]) Althusius, l. cap., c. XXXVIII § 123.

[3]) Junius Brutus, Vindiciae Qu. II, стр. 39: „Quid inquies? An vero universam multitudinem, belluam, inquam, illam innumerorum capitum, tumultuari et concurrere in eam rem quasi agmine facto oportebit? Quis vero in ea turba ordo esse queat? quae consilii, quae rerum gerendarum species?...“. Срв. также Buchanani, De jure regni, § LXIX: „Haec igitur multitudo e promiscua plebis turba quae magno labore tenuem victum quaerebat, non tam sollicita esse debebat de Reipublicae

Идея народнаго суверенитета приводитъ, такимъ образомъ монархомаховъ съ логической необходимостью къ идеѣ народнаго представительства. Только въ лицѣ своихъ представителей, выборныхъ или естественныхъ, можетъ осуществлять народъ принадлежащія ему права верховенства.

Но, какъ справедливо указываетъ Гирке, идея народнаго представительства является въ доктринѣ монархомаховъ весьма неопредѣленной и неясной [1]). Представительство вообще, мыслится монархомахами исключительно въ формѣ частноправнаго института порученія или мандата. Монархъ является представителемъ народа потому, что, по договору подчиненія, онъ—мандатарій его. Никто изъ монархомаховъ не пытается, конечно, конструировать частноправнаго договорнаго отношенія между народомъ, въ его цѣломъ, съ одной стороны, и привилегированными сословіями народа, съ другой.

Поэтому отношеніе представительства въ разсматриваемомъ случаѣ понимается большинствомъ монархомаховъ, какъ отношеніе тождества: аристократія не представляетъ народъ; она есть народъ.

Для Готомана народъ и Генеральные Штаты—синонимы. „Собранію Штатовъ принадлежитъ sacrosancta auctoritas“ [2]). Vera et propria sedes королевскаго величества (regiae Majestatis) —въ Генеральныхъ Штатахъ [3]).

---

statu, de imperii majestate, de Regum vita et officiis, quam de tranquillitate publica et otio domestico: neque jure amplius sibi vindicare poterat quam ut sub imperii qualiscunque umbra lateret“. Dialogue de l'authorite des Princes. (Memoirs de l'estat, v. III f. 71 v.): „Que le vulgaire n'a raison discretion ni diligence et que ce monstre à plusieurs testes est coustumier de mal recognoistre ses serviteurs et bienfaicteurs de la patrie“.

[1]) Gierke, Johannes Althusius, 2 Aufl., S. 216.

[2]) Hotomani, Franco-Gallia, cap. XV; срв. французскій текстъ въ Memoires de l'estat de France sous Charles IX, 2 éd., 1628 г., v. II, p. 451: „l'authorité sacree et inviolable de l'assemblee des Etats“.

[3]) Ibid.: „Quantum enim ex omnibus et nostris et Germanicis historiis existimare licet, eadem prorsus Ordinum sive Statuum auctoritas conservata est: ut non penes Pipinum, aut Carolum, aut Ludivicum, sed pe-

Народный суверенитетъ — суверенитетъ Генеральныхъ Штатовъ: имъ принадлежитъ законодательная власть, они назначаютъ и смѣщаютъ монарховъ. Никакого народа, внѣ Штатовъ, нѣтъ и не можетъ быть.

Точно также Буше опредѣляетъ народъ, какъ „multitudo sapientum“, а не incondita et confusa turba“. Подъ народомъ онъ понимаетъ „procerum, Senatorum prudentem ac jure coactam multitudinem“,—и такому народу, т. е. Генеральнымъ Штатамъ (comitiis Regni) принадлежитъ по его мнѣнію суверенитетъ [1]).

Никто, впрочемъ, изъ монархомаховъ не демонстрируетъ такъ отчетливо и ярко своего непониманія представительнаго характера господства привилегированныхъ сословій, какъ анонимный авторъ извѣстнаго трактата: De jure magisratuum in subtitis“ [2]). Существуютъ, по его мнѣнію, три категоріи подданныхъ: во 1-хъ, частныя лица, не отправляющія никакихъ государственныхъ должностей; во 2-хъ, подчиненные суверену магистраты,—тѣ, именно, изъ нихъ, которые отправляютъ не придворную должность при монархѣ, а государственную—административную, судебную, или военную должность, — магистраты королевства, а не короля [3]), и,

---

nes regiam Maiestatem summum rerum omnium judicium arbitriumque esset: cuius Maiestatis veram propriamque sedem summo multarum aetatum consensu in solenni Concilio fuisse, superius demonstravimus“.

[1]) Boucher. l. c. L. I c. 9: „Quod antequam exponimus intelligendum populi nomine isto loco non inconditam et confusam turbam, quae bellua multorum capitum est,... sed procerum, senatorum ac praecipue virtutis, probitatis, indiciique ac dignitatis authoritate hominum prudentem ac jure coactam multitudinem sumi (f. 11 v.); см. также Lib III cap. 7 (f. 151 v.): „Quia cum in multitudinem sapientum respublica posita sit....“; Lib. III cap. 8 (f. 153 v.). „Porro meiestatem illam cum penes ordines sen comitia esse constet.....“.

[2]) De jure magistratuum, Qu. VI.

[3]) Ibid.: Должностныя лица, состоящія на службѣ у короля, должны быть отличаемы отъ должностныхъ лицъ короны. Къ послѣднимъ относятся тѣ qui publicis muneribus, id est ad Regni statum, vel indiciorum causa, vel rerum bellicarum pertinentibus funguntur,—какъ напр. consules, praetores, praefectus urbi, duces, marchiones, comites, vicecomites‘

наконецъ, въ 3-хъ, Генеральные Штаты, хотя и не осуществляющіе обыкновенной суверенной власти, но созданные для того, чтобы служить уздою и сдержкой (quasi frena et habenae) суверенной власти [1]).

Что касается частныхъ лицъ, то они никакихъ въ отношеніи къ законному монарху правъ не имѣютъ; магистраты имѣютъ право пассивнаго и даже, въ исключительныхъ случаяхъ, активнаго сопротивленія тираническимъ актамъ законнаго монарха. Право низложенія тирана, сопротивленія ему всякими способами принадлежитъ Генеральнымъ Штатамъ: подчиненные въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ суверену, они, въ другихъ отношеніяхъ, являются „защитниками правъ верховенства", сдерживающими монарха въ границахъ его долга и даже карающими его, въ случаяхъ необходимости. Чрезвычайно характерно воззрѣніе автора на Генеральные Штаты, какъ на „третью категорію подданныхъ". Очевидно, Генеральные Штаты не представляютъ народъ; они являются тої его частью, которая, „защищая права верховенства", осуществляетъ верховную власть, принадлежащую народу.

Изъ всѣхъ, вообще, монархомаховъ одинъ только Юніи Брутъ, а впослѣдствіи и Альтузіи конструируютъ отношеніе представительства между народомъ, какъ сувереномъ, съ одної стороны, и, такъ называемыми, эфорами, съ другой.

По мнѣнію Брута, народъ--universa multitudo--неспособенъ къ осуществленію власти [2]). Поэтому права Верховенства—и, прежде всего, право сопротивленія тиранамъ осуществляется отъ имени народа должностными лицами,—оптиматами, эфо-

---

barones, castellani et cact. Должности эти, первоначально замѣщаемыя народнымъ избраніемъ, пріобрѣтаютъ впослѣдствіи наслѣдственный характеръ. Тѣмъ не менѣе, лица, занимающія ихъ, остаются представителями народа.

[1]) Ibid.: „... Tertii, etsi summum quidem imperium non habeant, nec suprema ac ordinaria potestate funguntur, constituti tamen sunt in eo ordine ut sint quasi frena et habenae ad supremum magistratum in officio continendum...".

[2]) См. выше, стр. 302 прим. 3.

рами государства. Эти лица—officiarii Regni, Principes, Pares, Patricii, Optimates—получая отъ народа свою власть, являются представителями всего народа (universum populi coetum repraesentant) [1]); въ своей совокупности, они образуютъ королевскій совѣтъ, или парламентъ, или сеймъ государства [2]). Каждый оптиматъ въ отдѣльности ниже монарха; всѣ вмѣстѣ они выше его [3]). „Блюстители монарховъ“ (Regum Ephori). они призваны къ охранѣ народныхъ правъ; ихъ обязанность—сопротивленіе тираническої власти. То, что рѣшаетъ большинство оптиматовъ, считается рѣшеніемъ всѣхъ; то, что рѣшаютъ всѣ, считается рѣшеніемъ народа [4]).

Какъ быть, однако, въ томъ случаѣ, если большинство эфоровъ, столковавшись съ тираномъ, измѣнитъ народу? Никакая измѣна эфоровъ, отвѣчаетъ Юній Брутъ, не можетъ лишить народъ принадлежащихъ ему правъ верховенства. Меньшинство эфоровъ не обязано подчиняться большинству; каждый, въ отдѣльности, магистратъ, каждая про-

[1]) Junius Brutus, Vindiciae, Qu. III, стр. 63 и сл.: „Porro quod de universo populo dicimus, de iis etiam, qui populum universum in omni Regno urbeve legitime repraesentant, qui quidem vulgo Regni non Regis Officiarii censentur. Regis Officiarii a Rege pro arbitrio creantur aut exaucforantur quin et eo mortuo nullo loco sunt et quodammodo mortui habentur. Regni officiarii contra a populo, in concilio nempe publico. auctoritatem capiunt, aut saltem olim capere solebant, nec absque eodem exauctorari possunt“. Ср. Qu. II, стр. 26: „Cum de universo populo loquimur, intelligimus eos qui a populo autoritatem acceperunt, magistratus nempe rege inferiores a populo delectos, aut alia ratione constitutos, quasi imperii consortes et regum ephoros, qui iniversum populi coetum repraesentant. Intelligimus et comitia, quae nil aliud suut quam regni cuiusque epitome“. Срв. также Dialogue de l'authorite des princes (Memoires de l'estat, vol. III, 94 r.).

[2]) Ibid.: „Regni quasi Epitome“.

[3]) Ibid.: „... ut singuli Rege inferiores, ut universi superiores“. Срв. Discours politiques (Memoirs de l'Estat, vol. III, f. 226 r.): „La puissance dn prince doit estre grande .... mais elle ne se doit pas esgaler a celle de la plus saine et meilleure partie de la multitude, autrement il pourroit violer les loix et tyranniser le pouple“.

[4]) Ibid.: Quod major pars principum seu optimatum fecerit, omnes, quod omnes, universus populus fecisse dicetur“.

винція и каждый городъ могутъ призвать къ сопротивленію тирану; и если имъ удастся при содѣйствіи граждань низвергнуть тирана, вмѣстѣ съ нимъ будутъ низвергнуты невѣрные эфоры [1]).

Удивительный, — и въ то же время въ высшей степени характерный для изучаемой нами эпохи парадоксъ: представляемый народъ рѣзко и отчетливо противополагается Брутомъ представляющимъ его эфорамъ; но народъ, представляемый большинствомъ эфоровъ, оказывается, въ сущности, не чѣмъ инымъ, какъ .... меньшинствомъ тѣхъ же эфоровъ, той же аристократіи страны, возставшей противъ господствующаго большинства.

Съ совершенно такой же концепціей народа мы встрѣчаемся въ „Политикѣ“ Альтузія.

Есть, говорить Альтузій, два рода административныхъ органовъ государства: во 1-хъ, эфоры и, во 2-хъ, верховный магистратъ [2]). Назначеніи эфоровъ—въ содѣйствіи монарху, поскольку онъ дѣйствуетъ правомѣрно, и въ противодѣйствіи ему, поскольку его управленіе вырождается въ тиранію [3]). Эфоры — такіе же представители народа (repraesentantes), какъ самъ монархъ [4]). Подобно тому, какъ верховная власть не можетъ быть делегирована монарху, она не можетъ быть делегирована эфорамъ; надъ эфорами и монархомъ одинаково возвышается суверенная власть народа [5]). Эфоры или оптиматы—наслѣдственная и служебная

[1]) Ibid., Qu. III passim. Объ этомъ подробно у Janet, l. c., t. II p 37 и сл.; см. также Weill, l. c., p. III et suiv.

[2]) Althusii Politica, cap. XVIII § 47 in fine.

[3]) Ibid. § 48; срв. cap. XVIII § 63 и сл.

[4]) Ibid., cap. XVIII § 73, § 92. Срв. ibid. cap. XIX § 69: „Utrique, rex et ephori a Deo constituuntur et a populo. A Deo mediate, a populo immediate.

[5]) Ibid. cap. IX § 22: „Sed hanc summam potestatem nequaquam possum tribuere regi aut optimatibus, sed jure illa tantum corpori universalis consociationis, nimirum Reipubl. vel regno tanquam propria est adscribenda. Ab hoc corpore, post Deum, profluit omnis potestas legitima in hos, quos reges optimatesve vocamus. Corpus igitur hoc consociatum

аристократія страны. Не всегда они избираются народомъ; ex populi concessione et beneficio они могутъ быть назначаемы монархомъ и оптиматами [1]). Необходимо различать генеральныхъ и спеціальныхъ эфоровъ [2]): первые — къ числу ихъ Альтузіи относитъ во Франціи канцлера королевства, принцевъ королевской крови, адмирала и маршала Франціи и др.—охраняютъ интересы всего государства [3]); вторые — духовные и свѣтскіе пэры Франціи—стоятъ во главѣ отдѣльныхъ провинцій, входящихъ въ составъ государства [4]). Въ своей совокупности эфоры образуютъ собраніе Генеральныхъ Штатовъ; представители городовъ, участвующіе въ собраніи Штатовъ, такіе же эфоры, какъ представители знати [5]). Власть монарха значительнѣй власти каждаго, въ отдѣльности, эфора; но власть Генеральныхъ Штатовъ значительнѣй и выше, чѣмъ власть монарха [6]).

Важнѣйшая функція эфоровъ — сопротивленіе тираніи. Какъ быть, однако, въ томъ случаѣ, если эта функція не исполняется эфорами, если эфоры измѣнили народу? Подобно Юнію Бруту, Альтузіи отвѣчаетъ: никакая измѣна эфоровъ не можетъ лишить народъ принадлежащихъ ему правъ верховенства. Если Генеральные Штаты не возстаютъ противъ тирана, противъ него возстаетъ народъ [7]).

---

rex, princeps optimatesve superius agnoscunt, a quo iidem constituuntur, removentur, dejiciuntur et exauctorantur". Срв. ibid., cap. XIX § 36.

[1]) Ibid., cap. XVIII § 59.

[2]) Ibid., § 109.

[3]) Ibid. § 110.

[4]) Ibid. § 111 и сл.

[5]) Ibid. § 109.

[6]) Ibid. § 73: „Deinde hi ephori universi quidem magistratu summo sunt superiores, quatenus repraesentantes populi ejus nomine collegialiter quid agunt; singuli vero separatim isto magistratu sunt inferiores"; срв. ibid. § 62.

[7]) Ibid. § 124: „Denique negligentia, perfidia, dolo, conspiratione cum principe, praevaricatione, collusione vel proditione ephororum et optimatum, juri populi nihil adimitur. Iniquum enim et absurdum esset affirmare, ephoros in tyrannum posse transferre quod nunquam illi habuerunt...". Срв. Ibid., cap. XXXVIII § 43: „Ideo Deus etiam vult coerceri

Но—какой народъ? Подобно Юнію Бруту, Альтузіи за „частными лицами“—за толпою, за чернью—ни въ какомъ случаѣ не признаетъ права сопротивленія тирану. Частныя лица должны терпѣливо сносить всякое злоупотребленіе властью; если тиранія нестерпима, ихъ единственное спасеніе—въ бѣгствѣ [1]). Но—отдѣльные эфоры, общіе или спеціальные, могутъ призвать народъ къ возстанію противъ тирана, и, покорная волѣ эфоровъ misera plebs--физической силой сокрушаетъ тираническую власть [2]).

Народъ, въ истинномъ смыслѣ этого слова,— universa multitudo монархомаховъ — таинственная и грозная сила, не принимающая никакого участія въ нормальномъ теченіи государственной жизни. Подобный хору античной трагедіи, онъ всегда остается въ тѣни, на заднемъ планѣ; и только въ исключительныхъ случаяхъ, послушный вождямъ, онъ выступаетъ впередъ и тяжкимъ своимъ напоромъ уничтожаетъ враговъ.

§ 5.

Остается отвѣтить на вопросъ, каково содержаніе суверенитета, принадлежащаго народу?

Наиболѣе существеннымъ моментомъ въ понятіи суверенитета является, конечно, учредительная власть. Въ ученіи о ней необходимо констатировать существенное различіе между Боденомъ, съ одной стороны, и монархомахами, съ другой. И Боденъ признаетъ, что учредительная власть первоначально принадлежитъ народу; отъ народа зависитъ учредить монархическую, аристократическую или демократическую форму правленія. Но разъ учреждена монархическая форма, сувереномъ становится монархъ. Народъ не сохраняетъ за собою какихъ-либо правъ верховенства; поэтому

et puniri ordinaria potestate in Rep. delicta commissa. Ea autem potestas est ephororum vel populi, quando illi non sunt“; Ibid. § 125 „Nam corpus Reip. hoc jus ephororum semper retinet“.

[1]) Ibid, cap. XXXVIII §§ 67 и 78.

[2]) См. ниже, стр. 325.

дальнѣйшее измѣненіе формы правленія не можетъ быть правомъ народа. Съ другоій стороны, основные законы страны (leges imperii) обязательны для суверена, ибо, не созданные имъ, они являются источникомъ и основаніемъ его власти. Отсюда — неизмѣнность и вѣчность тоій формы правленія, какая первоначально учреждается народомъ; въ организованномъ государствѣ Боденъ не признаетъ, вообще, учредительной власти [1]).

По ученію монархомаховъ, какова бы ни была форма правленія, суверенитетъ всегда и необходимо остается въ рукахъ народа. Поэтому не только первоначальное установленіе формы правленія, но также послѣдующее измѣненіе ея является его неотъемлемымъ правомъ [2]). Понятіе суверенитета оказывается, такимъ образомъ, въ доктринѣ монархомаховъ еще болѣе абсолютнымъ, чѣмъ въ доктринѣ Бодена; во всякомъ случаѣ, учредительной функціи суверена - народа монархомахи не ставятъ никакихъ границъ.

Практически, впрочемъ, двѣ формы правленія—монархія и аристократія — интересуютъ монархомаховъ. Демократія разсматривается ими, какъ извращеніе естественнаго порядка вещей; и въ теоріи, и въ жизни ей нѣтъ и не можетъ быть мѣста [3]).

---

[1]) См. выше стр. 256 и сл.

[2]) Boucher, Sermons de la simulée conversion f. 157 (цит. у Lemaire'a н. с., стр. 140): „La puissance de lier et délier pour cest égard, demeure aux peuples et estats, qui sont éternellement gardes de la souveraineté, juges des sceptres et des royaumes, pour en estre et l'origine et la source, comme ceux qui on fait les roys, non par necessité on contrainte, mais par leur franche volonté; estant en eux de choisir, de plusiers sortes de gouvernement, celuy qui leur est le plus utile"; Rossaeus, l. c., cap. I § 3 p. 7: „In reipublicae potestate est formam regiminis, sive-Regiam sive Aristocraticam, sive Democraticam assumere et earum unamquamque quibus velit imperandi et parandi conditionibus circumscribere". Ibid., cap. II § 1 p. 36: „Ergo penes rempublicam est statum suum mutare".

[3]) Mariana, l. c., cap. II p. 43: „In populari enim principatu, quae Democratia vocatur, honos promiscue atque sine delectu maioribus minoribus mediis communicatur: quae magna perversio est, velle comparare

Наиболѣе совершенной монархомахи признаютъ, такъ называемую, смѣшанную форму правленія, — монархію, умѣряемую участіемъ во власти эфоровъ. Эфоры необходимы во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ; только въ варварскихъ странахъ возможна неограниченность монархической власти. Совершенная форма правленія предполагаетъ комбинацію двухъ элементовъ, — монархическаго съ аристократическимъ, или трехъ,—монархическаго съ аристократическимъ и демократическимъ элементомъ [1]).

По мнѣнію Альтузія наименованіе формы правленія дается по преобладающему элементу. Не слѣдуетъ думать, что при, такъ называемомъ, смѣшанномъ правленіи монархъ, сенатъ и народъ обладаютъ одинаковыми полномочіями, что они управляютъ совмѣстно и одинъ безъ другого не имѣютъ

quos natura vel vis altior fecerat inequales". Срв. Althusius, l. c., cap. XXXIX § 64.

[1]) Mariana, l. c., cap. II p. 26: „Verum ita unius principatum praeferendum judicamus si optimos quosque cives in consilium adhibeat atque senatu convocato ex eorum sententia res publicas et privatas administret. Sic enim privatis affectibus medelitur et imprudentiae. Sic cum regia maistate conjunget optimates quam Aristocratiam dixere veteres. Sic civitate universa aut provincia cursum tenente, optatum felicitatis portum occupabit. Rege privatis affectibus serviente, aut ex suo aulicorumne judicio subditos gubernante res publicas aut privatas, nulla pestis gravior, excogitari potest". Ibid., cap. IIX, p. 72: Mapiana признаетъ, что власть монарха является неограниченной, „ubi nullus est publicus consensus, nunquam populus aut proceres de Republica deliberandi conveniunt". Но такой порядокъ встрѣчается только въ варварскихъ государствахъ. „Nos hoc loco non de barbaris, sed de principatu qui in nostra gente viget et vigere aequum est, deque optima et saluberrima imperandi forma disputamus". Boucher, De justa reip. authoritate, f. 10: „Eadem ratio prudentes homines et in fundanda republica providos instruxit, ut regum suorum monarchiam partim aristocratia, partim democratia magis minusve temperarent (quod in omnibus Europae regnis factum fuisse manifestum est) prout totius reipubl. bono videbant expedire". Hotomanus, l. c. cap. XII „Nam cum regius et popularis dominatus natura inter se dissideat, adhibere tertium aliquem intermedium, et utriusque communem, qui est Principum sive optimatum; qui propter splendorem generis et autoritatem ad regiam dignitatem accedit, propter clientelam et—ut vulgo loquuntur—subjectionem a plebio geenere minus abhorret.

рѣшающей власти. Въ монархіи главою государства является монархъ, но магистраты или чины представляютъ аристократическій, Генеральные Штаты—демократическій элементъ. И тѣ и другіе участвуютъ во власти, контролируютъ власть, осуществляемую монархомъ. Умѣренная монархія—temperata et mixta species Reipublicae—является наилучшей, наиболѣе устойчивой формой правленія [1]).

§ 6.

Признавая подзаконный характеръ монархической власти, монархомахи не могутъ не признавать законодательной функціи правомъ народа: подзаконность монарха была бы невозможной, если бы законодательная власть принадлежала ему [2]).

Съ точки зрѣнія современнаго ученія о государствѣ, законодательство является наиболѣе существенной и важной прерогативой государственной власти. Та власть суверенна, которая обладаетъ правомъ исключительнаго самоопредѣ-

---

[1]) Althusii Politica, cap. XXXIX § 9 и сл. „Nam licet huic monarchiae, seu regno Germanico et Gallico, quid insit aristocraticum, hoc tamen non efficit, ut ideo desinat esse monarchia. Sunt enim species rerumpublicarum aestimandae a parte potiori praeeminente, praevalente et praedominante... Erit quoque. ait (Cabotius), mixtus status, si simul rex, senatus et populus idem in eosdem habeat... Sed has mixtiones non probo, nec usus et praxis eas admittit... Si amplius quaeris quid sit democraticum in monarchia et aristocratica? Respondeo, in utraque esse comitia regni in quibus populus sibi jus suffragii reservavit et democratiam repraesentat. Si contra quaeris quid sit aristocraticum in democratia et monarchia? Respondeo, status regni et intermedios magistratus esse, qui repraesentant quid aristocraticum. . Quae cum ita sint, recte dicimus, temporatam et mixtam esse quamvis Reipubl. speciem... Quae temperatura est optima et diurnitati conveniens.

[2]) Buchananus, l. c. § XXVII: „Ego contra nihil interesse video, Regemne liberum ac solutum legibus relinquamus, an ei tribuamus legum jubendarum potestatem. Nemo enim se sponte vinculis induet. Ac nescio an praestet solutum relinquere quem circumdare vinculis nihil protuturis, quippe quae ubi volet exuat.“

ленія и самоограниченія путемъ устанавливаемыхъ ею законодательныхъ нормъ.

Съ существенно-инымъ отношеніемъ къ законодательной функціи мы встрѣчаемся въ политической доктринѣ XVI вѣка.

Важнѣйшимъ источникомъ права разсматриваемая эпоха признаетъ не положительное, а естественное право. Законъ, какъ таковой, самостоятельнаго содержанія лишенъ; законодатель записываетъ, или, точнѣе, формулируетъ недостаточно опредѣленныя положенія естественнаго права. Для того, чтобы доказать, что монархи подчинены не только естественному, но и положительному праву, Альтузіи ссылается не на высшій авторитетъ законодателя - народа, а на естественно-правовое содержаніе законодательныхъ нормъ: nulla enim est, nec esse potest, lex civilis, quae non aliquid naturalis et divinae aequitatis immutabilis habeat admistum [1]). Альтузіи допускаетъ, что воля монарха творитъ законъ, однако, при одномъ лишь условіи: если воля эта является справедливой, согласной съ закономъ откровенія и естественнымъ правомъ. Одобреніе закона народомъ необходимо потому, что оно обезпечиваетъ соотвѣтствіе закона непзмѣннымъ предписаніямъ божественнаго и естественнаго права [2]).

Такимъ образомъ, участіе народа въ законодательствѣ не имѣетъ самостоятельнаго значенія; оно является средствомъ контроля надъ осуществленіемъ власти, делегированной монарху народомъ.

Съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать, что идея раздѣленія властей XVI вѣку неизвѣстна. Общепризнанное въ конституціонной доктринѣ противопоставленія монарха, какъ органа исполнительной власти, народу или представительному собранію, какъ законодательному органу, обязано своимъ

---

[1]) Althusius, l. c., cap. IX § 22.

[2]) Ibid., cap. XIX § 53: „Concedo quoque solam regis voluntatem legem facere, nimirum justam voluntatem, non pugnantem cum decalogo et jure naturali immutabili. Ut igitur non omnis vox judicis sententia est, sic nec omne placitum principis lex erit, vel placitum principis legem facit, quando a populo est receptum.

возникновеніемъ политической философіи Локка[1]). Изъ всѣхъ, вообще, монархомаховъ только Брутъ и Бухананъ признаютъ — категорически и безусловно — законодательную функцію исключительнымъ правомъ народа. По мнѣнію Брута, въ благоустроенныхъ государствахъ монархъ получаетъ отъ народа законы, исполненіе которыхъ обязательно для него. Подъ народомъ, конечно, онъ понимаетъ Генеральные Штаты; монархъ — исполнитель и оберегатель законовъ, издаваемыхъ ими [2]).

Еще дальше идетъ пуританинъ Бухананъ. Единственный изъ всѣхъ монархомаховъ, Бухананъ допускаетъ непосредственное осуществленіе народомъ законодательной власти: одобренные парламентомъ законопроекты должны быть предлагаемы на голосованіе народа [3]).

Въ своемъ ученіи о законодательной власти Альтузіи наиболѣе приближается къ современной конституціонной доктринѣ, такъ называемаго, монархическаго принципа. Законодательная власть принадлежитъ монарху, но она осуществляется имъ при необходимомъ содѣйствіи Генеральныхъ Штатовъ. Въ частности, установленіе текста закона является функціей Генеральныхъ Штатовъ; законъ санкціонируется и приводится въ исполненіе монархомъ [4]).

Гораздо менѣе категоричны другіе монархомахи. По мнѣнію Готомана, имѣется много законовъ, обязательныхъ для монарха; другими словами, не всѣ законы, а лишь нѣкоторые—„certae leges“ — обязательны для него. Только тѣ

---

[1]) Срв. Weill, Les théories sur le pouvoir royal en France, стр. 288.

[2]) См. выше, стр. 294 прим. 2.

[3]) Buchananus, l. c., § XXVIII: „Ego nunquam existimavi universi populi judicio eam rem permissi debere: Sed ut prope ad consuetudinem nostram ex omnibus ordinibus selecti ad Regem in concilium coirent. Deinde ubi apud eos προβούλευμα factum esset, id ad populi judicium deferretur.“

[4]) См. выше стр. 294 прим. 3 См. также Politica, cap. XXXI §§ 4–5: „Sanctio et exsecutio legis imprimis ad magistratus officium spectat. Sanctio legis est, qua legem aequam, utilem et necessariam Reip. constituit, consensu optimatum et statuum imperii, seu regni sui.“

законы, которые относятся къ status'у государства, въ его цѣломъ, должны быть издаваемы не иначе, какъ съ согласія Генеральныхъ Штатовъ [1]).

Анонимный авторъ протестантскаго памфлета „De jure magistratuum“ и католикъ Boucher одинаково признаютъ, что законы гражданскаго права (leges civiles) не связываютъ монарха; только публичное право (jus publicum), и въ особенности, основные законы королевства (regni fundamentales leges)—обязательны для него [2]).

Еще дальше идетъ Mariana. По его мнѣнію, монархъ имѣетъ право предписывать новые, — толковать, восполнять и смягчать существующіе законы. Онъ не долженъ, однако, нарушать закона, по своему усмотрѣнію и для своей выгоды. И въ особенности, онъ обязанъ повиноваться законамъ, не имъ установленнымъ, основаннымъ на волѣ всего государства; такіе законы — а именно: о престолонаслѣдіи, о налогахъ, о господствующей религіи — не могутъ быть измѣняемы иначе, какъ съ согласія и по рѣшенію всего государства [3]).

---

[1]) Hotomani Franco-Gallia, cap. XXV: „Acleges quidem, quibus (reges) astrictos esse constat, permultae sunt... Regem Francogalliae non infinitam in suo regno dominationem habere, sed certo jure certisque legibus circumscriptam. Въ числѣ основныхъ законовъ, ограничивающихъ власть французскихъ королей, Готоманъ (cap. XXV) ставитъ на первое мѣсто слѣдующій законъ: „Ut ne quid quod ad statum Reip. in universum pertineat, Regi sine publici Concilii statuere liceat.“

[2]) De jure magistratuum, Rep. Quaest. IV; Boucher, l. c. Lib. III, cap. 11.

[3]) Mariana, l. c., cap. IX, p. 80 sq.: „Licebit quidem Regibus, rebus exigentibus, novas leges rogare, interpretari veteres atque emollire: supplere si quis eventus lege comprehensus non est. Pro suo tamen arbitratu leges invertere, ad suam libidinem et commodum referre quae agit omnia, nulla moris patrii institutorumve reverentia, propriun tyrannorum esse vitium credat: neque in legitimos principes cadere sta se gerere, ut legibus solutam potestatem obtinere et exercere videantur... Praesertim cum plures leges non a Principe latae sint, sed universae reipublicae voluntate constitutae... Atque iis legibus non modo Princeps obedire debet, sed neque eas mutare licebit nisi universitatis consensu certaque sententia, quales sunt leges de successione inter Principes, de-

Во всякомъ случаѣ, не въ законодательной функціи по ученію монархомаховъ существенное содержаніе народнаго суверенитета. Сувереномъ является народъ потому, что ему — и только ему — принадлежитъ неотъемлемое право назначенія и смѣщенія монарха, — верховная надъ монархомъ власть.

§ 7.

Юридическимъ титуломъ власти является договоръ съ народомъ. Всякая, не основанная на договорѣ, власть разсматривается монархомахами, какъ узурпація народнаго суверенитета. Узурпаторъ — tyrannus absque titulo — никакого права на власть не имѣетъ; никто не обязанъ повиноваться ему.

Всякое насильственное его дѣйствіе, по праву самозащиты, можетъ быть отражаемо силой. До тѣхъ поръ, пока власть узурпатора, путемъ привходящаго договора, не легитимирована народомъ, каждый, въ отдѣльности, гражданинъ,—не только должностное, но и „частное“ лицо имѣетъ неограниченное право на активное сопротивленіе ему. Tyrannus absque titulo — публичный врагъ; какъ таковой, онъ можетъ быть уничтоженъ всякимъ [1]).

---

vectigalibus, de religionis forma... Срв. Ibid., cap. VI. p. 57: „Neque ita (Respublica) in Principem jura potestatis transtulit, ut non sibi maiorem reservavit potestatem: quod vectigalibus imperandis, legibus in omne tempus constituendis consideratur, rempublicam semper retinuisse, ut nisi ejus voluntate mutari ab antiquo nihil possit, de consensu qualis esse debeat non disputamus; sed populis tamen volentibus tributa nova imperantur, leges constituuntur et quod est amplius (мой курсивъ) populi sacramento jura imperandi quamvis haereditaria successori confirmantur“. Срв. также Ibid., cap. IIX, p. 72: „Certe ad tributa imperanda, abrogandasve leges, ac praesertim quae de successione in regno sunt, mutandas, resistente multitudine impar unius Principis auctoritas sit et si quae alia gentis moribus universitati reservata haudquaquam Principis in arbitrio posita sunt.

[1]) Junius Brutus, Vindiciae, Qu. III, p. 118: „Primum docet jus naturale vitam ac libertatem nostram, qua sine vita vix vitalis est, adversus omnem vim et iniuriam conservari tueri. Insevit id Natura anibus

Ученіе монархомаховъ о правѣ сопротивленія узурпаціи—всего менѣе оригинально. Подобно Бодену, монархомахи вѣрны средневѣковой традиціи: и Боденъ, и Альтузій съ одинаковой категоричностью признаютъ правомѣрность „уничтоженія“ узурпатора [1]).

Есть, однако, между ними существенное различіе. По мнѣнію Бодена, не только договоръ, но и сила („justa debellatio“) является титуломъ правомѣрной власти; съ этой точки зрѣнія, понятіе узурпаціи становится неопредѣленнымъ и безсодержательнымъ [2]). По мнѣнію монархомаховъ, только договоръ — правомѣрное основаніе власти; всякая власть, не основанная на договорѣ, является узурпаціей [3]).

Законный монархъ получаетъ свою власть отъ суверена—народа; онъ избирается и возводится на престолъ народомъ. По общему правилу, монархомахи признаютъ преимущества

adversus lupos, tauris adversus leones, columbis adversus accipitres pullis adversus milvos, longe vero magis homini adversus hominem ipsum, si ipse fiat lupus... Ut vero nos adversus hosce tyrannis, jura naturae, gentium, civilia, arma capere jubet: ita nec ulla omnino ratio dehortari potest. Non intervenit iusiurandum, non pactum ullum, non ulla obligatio neque publica neque privata. Itaque vel privato cuilibet, tyrannidem huiusmodi, si intrudatur, depellere licet.“ По словамъ анонимнаго автора De iure magistratuum (Qu. VI), тиранамъ absque titulo вправѣ сопротивляться всякій гражданинъ, хотя бы и самаго низкаго происхожденія (infimae sortis), Mariana, назв. соч., cap. VI, p. 59, констатируетъ communem opinionem doctorum, философовъ и теологовъ, по вопросу объ уничтоженіи узурпаторовъ. Срв. Rossaeus, l. c., cap. I § 3. Althusius, l. c., cap. XXXVIII § 68: „At tyranno absque titulo regnum invadenti etiam privata autoritate sine alterius iussu, omnes et singuli patriae amantes optimates et privati resistere possunt et debent;“ срв. ibid. § 37: „ut privatus et plebeius est moriturus.“ — Большинство монархомаховъ допускаетъ легитимацію тирана привходящимъ согласіемъ народа. Срв., напр., De iure magistratum, Qu. VI: „...si videlicet postea liber et legitimus accesserit eorum consensus, qui verum et legitimum Magistratum creare et constituere possunt“. Althusius. l. c. cap. XXXVIII § 68: „.. nisi optimatum consensu, talis qui ab initio erat tyrannus, postea approbetur et pro magistratu recipiatur.“

[1]) Gierke, Johannes Althusius, 2 Aufl., S. 305.

[2]) См. выше, стр. 264.

[3]) См. выше, стр. 287.

наслѣдственной предъ избирательной монархіей: они знакомы, по опыту, съ опасностями вызываемыхъ междуцарствіемъ смутъ. Но наслѣдственное право на престолъ не является, по ихъ мнѣнію, безусловнымъ: оно нуждается въ санкціи народа. Такую санкцію они усматриваютъ между прочимъ, въ обрядѣ коронованія монарха. Обрядъ этотъ имѣетъ не декларативное, а конститутивное значеніе: имъ учреждается власть монарха [1]).

Отношеніе монарха къ народу покоится на договорѣ. Договоръ этотъ—mutua obligatio — обязателенъ для обѣихъ сторонъ. До тѣхъ поръ, пока онъ не нарушенъ монархомъ, народъ въ отношеніи къ послѣднему обязанъ повиновеніемъ [2]). Необходимо, однако, отмѣтить, что связанность договоромъ народа является, въ ученіи монархомаховъ, весьма относительной: логически невозможно привести ее въ соотвѣтствіе съ учредительной властью народа [3]). Данеи (Danaeus) полагаетъ, что въ избирательной монархіи измѣненіе формы правленія во всякое время зависитъ отъ воли

[1]) Junius Brutus, l. c., Qu. III p. 70.; см. выше стр. 284 прим. 3. Какъ извѣстно, избирательный порядокъ замѣщенія престола во Франціи—основной тезисъ Франко-Галліи Готомана (см. Franco-Gallia, passim); этотъ тезисъ у протестантскихъ монархомаховъ заимствуется католическими. См., напр., Mariana, l. c., cap. VI p. 57: „... Sed populis tamen volentibus tributa nova imperantur, leges constituuntur et quod est amplius populi sacramento jura imperandi quamvis haereditaria successori confirmantur.“ Rossaeus, l. c., cap. II § 4: „Refellitur opinio novorum Calvinistarum, qui ex sola sanguinis successione plenum regnandi ius proximo haeredi vindicant, contra quos probatur plenitudinem et perfectionem regiae potestatis pendere ex consensu reipub. qui datur per solennem regis inaugurationem. quod patet ex praxi Reip. Gallicanae, potissimum in primis regibus ab Hugone Capeto descendentibus, Roberto, Henrico I, Philippo I, Ludovico et Hugone ipso. Ubi agitur de potestate Archiepiscopi Rhenensis in Rege approbando.

[2]) См., напр., Rossaeus, l. c., Lib. II § 6: „Iuramentum subditi non eum adstringit ad obedientiam regis, nisi rex vicissim legitime et christiane imperet... quod ex hoc consequitur reciprocam esse regis et populi obligationem, nec illum posse quod velit simpliciter praecipere, nec hunc teneri ut omnibus ejus imperatis simpliciter obtemperet“ (стр. 68).

[3]) См. выше, стр. 309 и сл.

народа; и только въ монархіи наслѣдственной необходимымъ условіемъ осуществленія народомъ учредительной власти является нарушеніе договора, исходящее отъ монарха [1]).

Съ тѣмъ большей категоричностью настаиваютъ монархомахи на связанности договоромъ властителя. Какъ уже указано выше, содержаніе договора подчиненія опредѣляется монархомахами въ самыхъ общихъ выраженіяхъ: ut bene imperanti bene obtemperaretur. Поэтому неисполненіе монархомъ закона, не только божественнаго и естественнаго, но и человѣческаго,—и, въ особенности, неисполненіе основного закона, опредѣляющаго его обязанности и права, разсматривается монархомахами, какъ нарушеніе договора, заключеннаго съ народомъ. Въ отличіе отъ узурпатора (tyrannus absque titulo), тираномъ, въ собственномъ значеніи этого слова (tyrannus quoad exercitium) является монархъ, нарушившій договоръ подчиненія съ народомъ.

Нарушенный одной стороною, договоръ теряетъ обязательную силу для другой. Отсюда — признаваемое всѣми безъ исключенія монархомахами право,—и не только право, но и обязанность—пассивнаго сопротивленія актамъ тираническої власти: предпочтительнѣй смерть, чѣмъ исполненіе нарушающихъ божественную заповѣдь велѣній тирана [2]).

[1]) Danaeus, l. c., Lib. III cap. 6: „In quibus Politiae generibus et institutionibus, populus ipse sibi magistratus, praesertim summi, liberam electionem (quoties ille magistratus abit aut moritur) reservavit, in iis populo liberrima est Politiae mutatio, id est, antiquae abrogatio et novae constitutio... sin autem ea Politiae forma recepta est, in qua sunt magistratus, praesertim summus, haereditarii, ...in iis magna cautione opus est, priusquam piis viris liceat veterem illam Politiae formam mutare et abrogare... Quum servantur fundamentales regni vel Reip. leges a magistratu, qui haereditario jure succedit, quantumvis ipse in sese sit vitiosus (velut adulter, hypocrita, avarus, mendax etc.) minime tamen est a piis Christianisque viris et subditis ille magistratus deponendus, id est, mini me mutanda est propterea politiae forma .. Contractus enim iste populi cum illo Principe et ejus familia ab initio quidem fuit voluntatis: postea autem factus est necessitatis, ac proinde a populo servandus“ (стр. 214 и сл.). Ср. также ibid., Lib. VI cap. III (стр. 416).

[2]) Rossaeus, l. c., cap. II § 2: „Christianae ergo respublicae, quae ita certis legibus imperandi et obediendi sunt adstrictae, ut reges nisi

Но—больше того. Властитель, нарушившій договоръ, становится частнымъ лицомъ [2]). Народъ, назначающій властителя, всегда можетъ на законномъ основаніи (justis de causis) лишить его власти, ибо ему, какъ суверену, принадлежитъ неотъемлемое право на активное сопротивленіе тираническої власти [1]).

Право активнаго сопротивленія—punctum saliens политической доктрины монархомаховъ. Это право присваивается ею не индивиду, какъ таковому, — не частному лицу, а народу. Индивидъ въ договорномъ отношеніи къ монарху не стоитъ; никакихъ въ отношеніи къ нему обязанностей монархъ не несетъ. Ни богомъ, ни народомъ не предоставляется мечъ индивиду. Его удѣлъ—пассивная добродѣтель терпѣнія; отъ тиранніи нестерпимої единственное его спасеніе—въ бѣгствѣ. Возстаніе индивида противъ власти, хотя бы по справедливої причинѣ, является преступленіемъ измѣны [2]).

---

secundum pietatem et justitiam imperare non possint, nec subditi obedire, nisi in iis quae justa pia et Christianae sanctitati consentanea sunt, longe superant respublicas vel paganas vel haereticas, in quibus principi ullis limitibus tributa est quidlibet pro arbitratu praecipiendi authoritas" (стр. 41). Срв. Ibid., cap. II § 6 (стр. 68). Du droit des magistrats sur leurs sujets (Memoires de l'estat de France, t. II f. 485 и сл.; Danaeus, Politices Christianae lib. V cap. II: „Itaque Beza recte, aliud est, ait, Magistratu impia praecipienti, vel iniqua per subjectos exequi volenti, non obsequi, quam vim suo Magistratui intentare. Nam illud quidem nobis (т. е. частнымъ лицамъ) faciendum est: istud vero nefas est" (стр. 332). Срв. Althusius, l. c., cap. XXXVIII §§ 65 и сл. и мн. др.

[1]) Buchanani. De jure regni § LXXXVI: „Mutua igitur Regi cum civibus est pactio. Qui prior a conventibus recedit contraque quam pactus est facit, nonne is pacta et conventa solvit? Soluto igitur vinculo quod Regem cum populo continebat, quicquid juris ex pactione ad eum qui pacta solvit pertinebat, id reor, amittitur... Omnes nationes hoc communiter sentiunt quicquid juris alicui populus dederit, idem eum justis de causis posse reposcere." Срв. Rossaeus, l. c., c. II § 7, Althusius, l. c., c. XXXVIII § 35.

[2]) Junius Brutus, l. c., Qu. III (стр. 118 и сл.): „Singulis neque a Deo, neque a populo gladius concessus est. Itaque si gladium injussi stringunt, seditiosi sunt, quamvis causa justa videatur... Etenim ut pupillus non nisi tutore authore actionem intendere potest, etsi pupillus

И только въ исключительныхъ случаяхъ, — въ случаяхъ „боговдохновенности“ мстителя за попранный тираномъ законъ, монархомахи допускаютъ правомѣрность индивидуальнаго возстанія противъ тираннической власти, самопочиннаго уничтоженія тирана частнымъ, никѣмъ на то не уполномоченнымъ, лицомъ. Такое лицо, непосредственно призванное Богомъ къ совершенію „героическаго“ акта, тѣмъ самымъ становится „магистратомъ“, дѣйствующимъ отъ имени и въ интересахъ народа. Съ особенной настойчивостью на допустимости боговдохновеннаго тираноубійства настаиваютъ католическіе монархомахи. Наоборотъ, протестанты относятся къ нему скептически: слѣдуетъ, по ихъ мнѣнію, опасаться лжепророковъ, въ родѣ Томаса Мюнцера, вдохновленныхъ не богомъ, а сатаной [1]).

---

quidem dominus vere est... ita neque populus, nisi iis authoribus, in quos suam authoritatem et potestatem transtulit.“ De jure magistratuum, Qu. VI; Danaeus, l. c., Lib. III cap. 6 (p. 223); Lib. VI cap. 3 (p. 413). Mariana, l. c., Lib. I cap. 6: „...neque enim id in cuiusquam privati arbitrio ponimus: non in multorum, nisi publica vox populi adsit, viri eruditi ac graves in consilium adhibeantur.“ Althusius, l. c., cap. XXXVIII § 65: „Quid vero de subditis et privatis ex populo sentiendum est? Nam quae hactenus diximus de ephoris, personis publicis dicta sunt. Plane hi privati, quando magistratus tyrannus est exercitio. quia non habent usum et jus gladii, neque eo jure utentur, sed quiescent et injuiam patientes, jugum tyranni ferent.“ Ibid., § 67: „Sed haec ita accipienda, modo non tyrannidis ministri hi privati esse cogantur, vel quicquam facere, quod Deo sit contrarium. Nam tunc fugient in alium locum, ut obedientiam hic non resistendo, sed fugiendo declinent.“

[1]) Католическіе монархомахи настроены, вообще, революціоннѣй своихъ протестантскихъ единомышленниковъ; они отводятъ поэтому въ дѣлѣ сопротивленія тираннической власти индивидуальному самоопредѣленію гораздо болѣе широкое мѣсто. Такъ, по мнѣнію Маріаны, невозможность созыва генеральныхъ штатовъ оправдываетъ индивидуальное сопротивленіе тирану. См. l. c., lib. I cap. VI: „Roges quid faciendum, si publici conventus facultas erat sublata, quod saepe potest contingere. Par profecto, mea quidem sententia, iudicium erit, cum Principis tyrannide oppressa republica, sublata civibus inter se conveniendi facultate, voluntas non desit delendae tyrannidis, scelera Principis manifesta modo et intoleranda vindicandi, exitiales conatus comprimendi: ut si sacra patria pessundet, publicosque hostes in

По общему правилу, активное сопротивленіе тиранамъ—право народа, а не индивида. Народъ монархомаховъ,—это эфоры и оптиматы, должностная и наслѣдственная аристократія страны [1]). Двѣ формы сопротивленія извѣстны монархомахамъ: одна, характеризуемая Гирке, какъ конституціонное, а не революціонное право народа; и другая, имѣющая, вопреки его мнѣнія, отчетливо выраженный революціонный характеръ [2]).

Нормальный порядокъ таковъ. Сначала эфоры убѣждаютъ монарха отказаться отъ тираническихъ дѣйствій. Если недѣйствительна vis rationis, примѣняется ratio vis. По мнѣнію Буханана, право тираноубійства только въ томъ случаѣ принадлежитъ народу, если тиранъ не можетъ быть преданъ provinciam attrahat: qui votis publicis favens eum perimere tentarit, haudquaquam iusque eum fecisse existimabo (стр. 60), поэтому Мариана превозноситъ facinus memorabile Jacobi Clementis, который caeso Rege ingens sibi nomen fecit (стр. 53 и сл.). — По мнѣнію Boucher, въ неотложныхъ случаяхъ („urgente negotio") допустимо тираноубійство безъ предварительнаго рѣшенія компетентной власти: evidens notitia facti уполномочиваетъ каждаго на убійство тирана (l. c. lib. IV c. 2); въ особенности, если отъ дѣйствій его страдаетъ церковь (l. c. Lib III cap. 15). Rossaeus признаетъ всеобщее и неограниченное право возстанія противъ еретической власти; см., l. c., cap. 9 § 1: „Contra regem haereticum recte pieque a suis ipsius subditis bellum potest suscipi". Гораздо осторожнѣй протестантскіе монархомахи. Подъ вліяніемъ ученія Кальвина (Treumann, l. c., стр. 71 прим. 2) они допускаютъ индивидуальное возстаніе противъ тирана, — но не иначе, какъ въ случаяхъ непосредственной инспираціи Божествомъ. См. Du droit des magistrats (Memoires d'Estat, t. II f. 491 v.): „Je dy que sans extraordinaire vocation de Dieu, à la quelle je ne touche point, il n'est licite a aucun particulier d'opposer force a la force du Tyran de son authorité privé." Еще болѣе остороженъ Junius Brutus, Vindiciae. Qu. III p. 118, который, вообще, въ „боговдохновенность" отдѣльныхъ мстителей за права народа не вѣритъ. Альтузій, l. c., cap. XXXVIII § 67, за частными лицами признаетъ одно только право самозащиты: „verum quando notoria vis privato a magistratu infertur, tum in casu necessitatis et vitae suae defendendae, defensio ipsi est permissa. Hoc enim casu regum constitutiones et jus naturale privatos armant contra magistratum, vim vitae inferentem."

[1]) См. выше, стр. 301 и сл.

[2]) O. Gierke Johannes Althusius, 2 Aufl. S. 311.

суду. Народъ имѣетъ право предать тирана суду, и судья имѣетъ право приговорить тирана къ казни [1]). Континентальные монархомахи, въ отличіе отъ шотландца Буханана, право суда надъ тираномъ признаютъ за Генеральными Штатами, какъ за верховной въ государствѣ властью. Генеральные Штаты провозглашаютъ низложеніе тирана; рѣшеніе Штатовъ приводится въ исполненіе manu militari,—народомъ, подъ предводительствомъ эфоровъ [2]). Низложенный Штатами

[1]) Buchanani, De jure regni §§ LXXVII и сл.; см., въ особенности, § LXXXVI.

[2]) Junius Brutus, Vindicae, Qu. III, стр. 118 и сл. Сначала должностныя лица королевства (эфоры) должны совѣтомъ и убѣжденіемъ удерживать монарха отъ тираническихъ дѣйствій. Est tyrannis febri hecticae similis, quae primo facilis curatu, difficilis cognitu: postea vero cognitu facilis curatu imprimis difficilis evadit. Если убѣжденія не помогаютъ, licet officiariis aut omnibus aut saltem pluribus, tyrannum coercere. Nec vero modo licet, verum ita quidem illis ex officio incumbit, ut ni fecerint, nullo pacto excusari possint. Съ аналогичной конструкціей права „тираноборства" мы встрѣчаемся у анонимнаго автора. „De jure magistratuum in subditos". Прославляя христіанскую добродѣтель терпѣнія, авторъ этотъ, однако, прибавляетъ: „Sed nego haec omnia obstare, quo minus liceat populis manifesta tyrannide oppressis, simul cum precibus et poenitentia, allis justis adversus illam rimediis sese tueri (Quaest. V). Возстаніе противъ тирановъ exercitio является обязанностью магистратовъ, представляющихъ королевство (Quaest. VI), или сословныхъ чиновъ, гдѣ они существуютъ (Repetitio VI Quaest). Подданные должны оказывать содѣйствіе должностнымъ лицамъ и чинамъ въ борьбѣ противъ тираннической власти: „Quinetiam privati quique in ejusmodi necessitates, magistratibus suis subalternis sese adjungere tenentur et officium subditorum praestare; et si res postulet, licebit etiam, saniori parti oppressae, auxilia aliunde conquirere, praesertim apud Regni confoederatos et amicos (Quaest. VII). Ср. Mariana, l. c., lib. I cap. VI: „Atque ea expedita maxime et tuta via est, si publici conventus facultas detur, communi consensu quid statuendum sit deliberare: fixum ratumque habere quod communi sententia steterit. In quo his gradibus procedatur. Monendus inprimis Princeps erit atque ad sanitatem revocandus, qui si morem gesserit, si rei publicae satis fecerit, peccataque corroxerit vitae superioris, resistendum arbitror, neque acerbiora remedia tentanda. Si medicina respuat, neque spes ulla sanitatis relinquatur, sententia pronunciata licebit reipublicae ejus imperium detrectare primum et quoniam bellum necessario concitabatur, eius

монархъ стоитъ внѣ покровительства закона. Какъ хищный звѣрь, онъ можетъ быть уничтоженъ — посредствомъ силы или хитрости — всякимъ, — не только должностнымъ, но и частнымъ лицомъ: ut privatus et plebeius moriturus est [1]).

„Конституціонное“ низложеніе монарха не всегда, однако, является возможнымъ. Нерѣдко Генеральные Штаты не могутъ быть созваны вообще; еще чаще не можетъ быть достигнуто соглашеніе между сословіями, участвующими въ Собраніи Штатовъ; наконецъ, застращенное или подкупленное тираномъ, большинство эфоровъ предательски можетъ измѣнить народу. Въ такомъ случаѣ, активное сопротивленіе тирану беретъ на себя „наиболѣе здравая часть народа“,—

---

defendendi consilia explicare, expedire arma, pecunias in belli sumptus imperare populis: etsi res feret, neque aliter respublica se tueri possit, eodem defensionis jure ac vero potiori auctoritate et propria, Principem publicum hostem declaratum ferro perimere. Althusius, l. c., cap. XXXVIII § 29, § 57 и сл.

[1]) Althusius, l. c., cap. XXXIII § 37, Mariana, l. c., lib. I cap VII: „Est quidem maioris virtutis et animi simulatem aperte exercere, palam in hostem reipublicae irruere: sed non minoris prudentiae, fraudi et insidiis locum captare, quod sine motu contingat minori certe periculo publico atque privato (стр. 65). Единственный, смущающій Маріану вопросъ an liceat tyrannum veneno occidere? И на этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ разсужденіемъ, являющимся образцомъ наиболѣе отвратительнаго макіавелизма. Такъ, встрѣчающійся въ древности обычай уничтоженія преступниковъ — путемъ предписаннаго имъ самоубійства,—напр. самоотравленія противорѣчитъ, по его мнѣнію, современнымъ нравамъ и, кромѣ того, естественное право воспрещаетъ самоубійство. Отсюда — выводъ: „Negamus ergo hostem, quem fraude dedimus perimi posse, veneno interfici jure. Quid enim refert prudenti an ignaro propinetur: cum interfector non possit ignorare quo mortis utatur nimirum naturae legibus contrario. ad auctorem redit sceleris per ignorantiam commissi culpa... Ergo me auctore neque noxium medicamentum hosti detur neque lethale venenum in cibo et potu temperetur in ejus pernicie“. И, вслѣдъ затѣмъ, слѣдующая—столь характерная для іезуита—оговорка: „Hoc tamen temparamento uti in hac quidem disputatione licebit, si non ipse qui perimitur venenum haurire cogitur, quo intimis medullis concepto pereat sed exterius ab alio adhibeatur nihil adjuvante eo qui perimendus est, nimirum cum tanta vis est veneni, ut sella eo aut veste delibuta vim interficiendi habeat (стр. 66 и сл.).

отдѣльные, спеціальные или общіе, эфоры. Что касается первыхъ, то они провозглашаютъ отпаденіе провинціи, представляемоії ими, отъ всего государства; вторые призываютъ народъ къ вооруженному возстанію противъ тирана. Побѣжденный народомъ, тиранъ подлежитъ уничтоженію или изгнанію изъ страны [1]).

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что въ разсматриваемомъ случаѣ активное сопротивленіе тирану имѣетъ не конституціонный, а революціонный характеръ. Конечно, и отдѣльные эфоры возстаютъ противъ тирана et officio, какъ должностныя лица государства. Однако, по мнѣнію самихъ монархомаховъ, только совокупность эфоровъ, — т. е. Генеральные Штаты обладаютъ въ отношеніи къ монарху іерархически—высшею властью. Отдѣльные эфоры монарху подчинены, — и, тѣмъ не менѣе, во главѣ вооруженнаго народа, они возстаютъ противъ его тираническої власти.

Альтузіи сравниваетъ революцію съ пожаромъ. На мѣстѣ пожара распоряжаются брандмеіістеры—эфоры; по ихъ зову, со всѣхъ сторонъ—кто съ ведромъ для того, чтобы черпать

---

[1]) Du droit des magistrats (Memoires de l' Estat, v: II, f. 513) „Car on demande ce qui est de faire, quand la tyrannie s'est tellement fortifiee que le remede des Estat est comme du tout empesché par la connivence, ou craaite on meschanceté de la pluspart ou des principaux. Je respon, quant aux particuliers, s'ils ne sont authorisez ou par Magistrats inferieurs ou par la plus saine partie des Estats, qu'ils n'ont autre remede que repetence et patience avec les prieres.... Et quant aux Magistrats inferieurs, c'est à eux de se ioindre ensembe et de presser l'assemblee des Estats.... Finalement c'est le devoir de chacun estat de pourchasser la commune assemblee legitime sans que les meschans empeschent les bons, les lasches retardent les diligens, ni la plus grande partie retienne la plus saine. Que plus est je di que le devoir mesmemes des particuliers est, en telle necassite, de se ioindre aux Magistrats subalternes, faisans leur devoir et qu il est mesmemes loisible à la plus saine partie de demander aide ailleurs et notamment aux amis et alliez d'un Royaume". Junius Brutus, l. c., Qu. II passim; Althusius, l. c., cap. XVIII § 124; cap. XXXVIII § 47, § 76 „Potest eiiam ex optimatibus unis, vel pars una regni, peculiarem regem aut novam Respubl formam sibi diligere, derelicto reliquo corpore, cui adhaerebat, quando .... leges patriae fundementales a magistratu non observantur, sed obstinate violantur. . . ." и др.

воду, кто съ ломомъ для того, чтобы срывать крыши — на борьбу съ разрушительной стихіей стекается революціонный народъ [1]).

§ 8.

Ненависть къ деспотизму—то основное настроеніе, изъ котораго выростаетъ политическая доктрина монархомаховъ. Анархія предпочтительнѣй деспотизма: etsi omnes molestae semper seditiones sunt, justas tamen esse nonnulas et propenecessarias [2]). Идея народнаго суверенитета въ публицистикѣ XVI вѣка является, по существу, революціонной идеей. Народный суверенитетъ противополагается не монархическому суверенитету, а суверенитету государственной власти, какъ таковой.

„Конституціонныя“ гарантіи, возможныя въ условіяхъ сословно-монархическаго строя, недостаточны для того, чтобы обезпечить правомѣрность осуществленія государственной власти. Участіе въ законодательствѣ Генеральныхъ Штатовъ—случайное и преходящее, не даетъ феодальнымъ сословіямъ рѣшающаго вліянія на государственную жизнь. Абсолютизмъ растетъ; феодальная знать, устраняемая отъ господства въ государствѣ, стремится къ господству надъ нимъ.

Монархія, ограниченная тираноубійствомъ,—таковъ политическій идеалъ монархомаховъ. Надъ государственной властью, кому бы она ни принадлежала, какъ высшая и рѣшающая инстанція, возвышается, по ихъ мнѣнію, всемогущій народъ. Какъ богъ въ потусторонней жизни, народъ является верховнымъ и грознымъ судьею земныхъ владыкъ: ему отомщеніе и онъ воздастъ....

---

[1]) Althusius, l. c , cap. XXXVIII § 49.

[2]) Hotomani. Franco-Gallia, cap. XXIII. Weill (Les théories sur le pouvoir royal, p. 91) цитируетъ эпиграфъ одного изъ памфлетовъ XVI в.: „Ubi negue justitiam, neque fidem, neque legem naturae nobis praesidio esse Videmus, quid non ad arm cofugeremus?“

V

Заключеніе.

Bardoux о XVI вѣкѣ замѣчаетъ:

„Le monde moderne naissait alors; on ne saurait trop revenir sur son berceau. Peut-être y trouverait-on la source, sinon de nos esperances au moins de nos mécomptes“ [1]).

И, дѣйствительно, XVI вѣкъ—колыбель всѣхъ „mécomptes“ современнаго государства.

Въ борьбѣ съ отживающимъ феодализмомъ, во Франціи, раздираемой междуусобною смутой, рождается абсолютная монархія, воплощающая идею единаго и всемогущаго государства. Конечно, монархисты XVI вѣка еще не вполнѣ, не безусловно абсолютисты. Политическій идеалъ Бодена — монархія, неограниченная учрежденіями, но ограниченная правомъ. Какъ для философствующихъ теологовъ средневѣковья, для Бодена естественное право является дѣйствующимъ, въ безусловномъ значеніи этого слова. Положительное право, поскольку оно противорѣчитъ естественному, не-право; государственная власть, не связанная естественнымъ правомъ, тираническая власть.

Но, неограниченная учрежденіями, монархія стремится съ себя сбросить ограниченность правомъ. Опредѣляясь историческими условіями эпохи, философія права XVII—XVIII в.в. провозглашаетъ супрематію положительнаго надъ естественнымъ правомъ; она возводитъ теорію абсолютной монархіи на фундаментѣ, заложенномъ Боденомъ.

Уже Гроціи—правда, въ узкихъ границахъ—допускаетъ самостоятельное дѣйствіе положительнаго права, хотя бы и не совпадающаго съ естественнымъ [2]). Гораздо дальше идетъ

---

[1]) Bardoux, Les légistes, leur influence sur la société française, 1877, стр. 113. Ср. Viguié, Les theories politiques libérales au XVI siècle, стр. 1 и сл.

[2]) De jure belli ac pacis, Lib. II cap. III § 5.

Пуфендорфъ. Естественное право, по мнѣнію Пуфендорфа, превосходитъ положительное не своей внѣшней, а своей внутренней силой. Положительное право дѣйствуетъ, независимо отъ того, согласно ли оно, или не согласно съ естественнымъ; и наоборотъ, естественное право только въ томъ случаѣ становится дѣйствующимъ, обязательнымъ для подданныхъ, если, санкціонированное законодателемъ, оно пріобрѣтаетъ значеніе и силу положительнаго права. Изъ естественнаго права Пуфендорфомъ выводится морально-политическая обязанность законодателя приспособлять къ нему, въ предѣлахъ возможнаго, положительное право; теорія естественнаго права становится, такимъ образомъ, „законодательной наукой“,—политикой, въ современномъ значеніи этого слова. Какъ дѣйствующее, — т. е. внѣшне-обязательное право. естественное право сохраняетъ значеніе субсидіарнаго источника права, восполняющаго пробѣлы законодательства,—и только [1]).

Неограниченная правомъ, монархія становится абсолютной. Уже въ XVII вѣкѣ теорія абсолютной монархіи готова: Regis voluntas suprema lex esto!

И другое „заблужденіе“ современнаго государства,—революціонная идея народнаго суверенитета возникаетъ во Франціи XVI вѣка, въ эпоху ожесточенной, политической и религіозной борьбы. Не нова эта идея; но XVI вѣкъ изъ „безгосударственнаго“ средневѣковья переноситъ ее въ новое государство [2]).

Въ основѣ политической доктрины монархомаховъ лежитъ дуализмъ, несовмѣстимый съ началомъ государственнаго единства: несуверенный, но властвующій монархъ противополагается ею не властвующему, но суверенному народу. Сущность народнаго суверенитета монархомахи усматриваютъ въ правѣ на революцію, принадлежащемъ народу. Право на революцію они признаютъ основной конституціонной гарантіей, основнымъ институтомъ конституціоннаго права.

---

[1]) De jure naturae eq gentium, Lib. VIII cap. I § 1.

[2]) Marriam, History of the theorie of Sovereignty, стр. 17.

Революціонная по существу, политическая доктрина монархомаховъ не является, однако, анархической доктриной. Индивиду, какъ таковому, въ системѣ монархомаховъ нѣтъ и не можетъ быть мѣста. Право на революцію принадлежитъ не ему; оно принадлежитъ организованному, исторически сложившемуся народу,—эфорамъ, какъ составному элементу, какъ „должностнымъ лицамъ“ государства. Въ революціонной борьбѣ индивиду предоставляется на выборъ: подчиниться монарху или эфорамъ, умереть за монарха или за знать.

Но на смѣну XVI-му придетъ XVII вѣкъ,—и доктрина естественнаго права вознесетъ индивида на недосягаемую высоту. На фундаментѣ, заложенномъ монархомахами, она воздвигнетъ свою—анархическую—теорію народнаго суверенитета. Попрежнему, право на революцію останется существеннымъ элементомъ въ понятіи народнаго суверенитета. Теоретики абсолютной монархіи, Пуфендорфъ и Вольфъ, предоставляя всю полноту власти монарху, только это право—право „аппелляціи къ небесамъ“ въ исключительныхъ и чрезвычайныхъ случаяхъ—оставятъ за народомъ.

Но это право они оставятъ не за тѣмъ народомъ, которому ввѣряли суверенитетъ монархомахи XVI вѣка. Доктрина естественнаго права не знаетъ народа, исторически сложившагося, организованнаго на сословномъ началѣ. Ея народъ—механическій аггрегатъ суверенныхъ и равныхъ другъ другу индивидовъ, создающихъ свободнымъ волеизъявленіемъ,—общественнымъ договоромъ,—государство. Индивидъ, создающій государство, во всякое время его можетъ разрушить. Право на революцію становится правомъ индивида,—его естественнымъ и неотъемлемымъ правомъ.

Въ 93 году это право провозглашается конституціей французскаго конвента:

— Сопротивленіе тираніи есть слѣдствіе права человѣка Когда правительство посягаетъ на права народа, — для народа и для каждой его части возстаніе является наиболѣе священнымъ и наиболѣе необходимымъ долгомъ. Всякій, по-

сягающій на суверенитетъ, долженъ быть немедленно уничтоженъ (mis a mort) свободными людьми [1]).

На анархической идеѣ народнаго суверенитета, на зыбучемъ пескѣ индивидуальныхъ воль—французская революція пытается построить свое новое, разумное и свободное, государство. Попытка эта оканчивается неудачей: недостроенное зданіе рушится, разсыпается въ прахъ. И XIX вѣкъ проходитъ въ мучительныхъ исканіяхъ новаго смысла и новаго содержанія неумирающей идеи народнаго суверенитета.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

1) Acte Constitutionnel du 24 Juin 1783, Declaration des droits de l'homme et du citoyen, art. 27, art. 34, art. 35.